3 1761 08820514 1

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/serbskisbornikpo00prag

LSer.C
S4823
.R

СЕРБСКІЙ СБОРНИКЪ

Serbský sbornik

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

Переводъ съ сербскаго.

503648
1. 2. 50

ПРАГА.
„СЛАВЯНСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО“
1921.

GEORGE TELBERG
3569 BROADWAY
NEW YORK 31

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY

тип. Яна Іцыкина, Турновъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпускаемый сборникъ разсказовъ сербскихъ писателей знакомитъ читателей съ направленіемъ и уровнемъ художественнаго развитія сербской литературы періода времени, предшествовашаго возникновенію міровой войны. Великій сербскій ученый—этнографъ и филологъ, Вукъ Стефановичъ Караджичъ, явился средоточіемъ патріотически настроенной молодежи, отдавшейся служенію возрождающейся родной литературы. Сантиментально-подражательное направленіе, господствовавшее въ сербской литературѣ до сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія (поэтовъ Джуры Якшича и Войслава Илича, а также драматурга Стерія Поповича), начало уступать мѣсто оригинальному, чисто сербскому, самобытному творчеству, основанному на тщательномъ и любовномъ изученіи родного языка и памятниковъ народнаго эпоса.

Подавляющее большинство сербскаго народа

занято земледѣльческимъ трудомъ, и поэтому въ произведеніяхъ сербскихъ художниковъ слова отражается по преимуществу сельская жизнь.

По образному выраженію одного сербскаго критика, сербская повѣсть дышитъ бодрой, юной жизнью, „какъ дышитъ ею молодая сербская дѣвушка, когда, выйдя изъ хоровода, съ разгорѣвшимся лицомъ, вся трепещетъ отъ своей жизнерадостности, отъ сознанія собственной силы и красоты.“

ЯНКО ВЕСЕЛИНОВИЧЪ.

Проклятье кума *).

Длинные зимніе вечера коротаютъ селяне такъ же, какъ и горожане. Или соберутся нѣсколько пріятелей вокругъ котелка и зовутъ его въ шутку „духовникомъ“,какъ будто исповѣдуются ему; или сойдутся у кого-нибудь, пьютъ, подъ гусли пѣсни поютъ, бесѣдуютъ, разсказываютъ.

Былъ и я разъ на такихъ посидѣлкахъ. Компанія собралась довольно многолюдная. Пили, пѣли и разговаривали вдоволь. Кто-то изъ пріятелей сталъ упрашивать старика Ранка Драгановича, чтобы онъ разсказалъ намъ что-нибудь. Онъ разгладилъ усы, отпилъ вина изъ чарки, выпустилъ изъ своего длиннаго чубука нѣсколько густыхъ клубовъ дыма и началъ свой разсказъ.

I.

Въ нашемъ селѣ нѣтъ человѣка старѣе меня. Всѣхъ васъ, что тутъ собрались, я знаю отъ рожденья. Много чего помню! Помню, что наша церковь не всегда тутъ стояла; прежняя, старая,

*) Кумомъ въ Сербіи зовутъ крестнаго отца.
Прим. перев.

была вонъ на томъ пригоркѣ. Помню, какъ провалилось мѣстечко Равнье; мнѣ тогда было восемь лѣтъ; помню, какъ Милоша выбрали сербскимъ княземъ, какъ онъ былъ свергнутъ съ престола и снова на него сѣлъ. Много кое-чего помню!.. Помню, какъ турки на насъ нападали и какъ монахи ходили изъ села въ село исповѣдывать людей, а жены плакали, помню я и то, какъ самъ немало натерпѣлся горя отъ турокъ. Какъ теперь помню, какъ сначала судъ и расправу производили у насъ капитаны, а потомъ уже позаводили судей—кметовъ. Какъ упразднили капитановъ, селяне по селамъ стали выбирать кметовъ, давали имъ судейскій посохъ (палку); этотъ выборный и судилъ, такъ съ годъ хорошо работалъ; а какъ начнетъ лѣниться, мы его сейчасъ скинемъ и другого выберемъ. Такъ-то въ старое время шли дѣла!

И былъ одно время у насъ судьею мой сосѣдъ, Станойло Пуретичъ. Ужъ изъ такой онъ былъ богатой и большой задруги, какъ теперь и не найдешь нигдѣ! Онъ былъ за старѣйшаго; съ нимъ въ задругѣ жили его четыре брата, двое женатые, да двое холостые, и три дочки невѣсты, да жена, у братьевъ дѣти,— полный домъ... А имѣніе его на полсела. Тутъ и поля, и луга, и пастбища, и лѣса; по нивамъ красуется бывало пшеница или родится кукуруза; на пастбищахъ пасутся табуны коней, да стада коровъ и быковъ, овцы, свиньи.

Станойло былъ высокаго роста, прямой, какъ свѣча, коренастый, сильный. Надо было видѣть, какія у него руки сильныя были! Было ему лѣтъ

около пятидесяти, а можетъ и больше. Характера онъ былъ страннаго. Что бы онъ ни сказалъ,—противорѣчить нельзя было, а то съ головой пропадешь. Никого никогда не слушался,—все дѣлалъ по-своему. Въ домѣ никто не смѣлъ ему сказать ничего противъ, въ сельской громадѣ то же самое, а какъ услышитъ хоть слово противъ себя, разгнѣвается и бьетъ все, что подъ руку попадется. Всегда въ рукѣ носилъ кнутъ и готовъ былъ каждаго имъ хлестать, если разсердится.

Однако лучшаго хозяина и старѣйшаго 'и на свѣтѣ не сыскать! Иной разъ и къ дѣтямъ и ко всѣмъ людямъ—какъ ангелъ. Самъ поднимается утромъ— рано-ранехонько -- и кричитъ: „Милисавъ!..“

Сейчасъ приходитъ старшій братъ, и онъ ему даетъ всѣ приказанія на дневныя занятія, и тогда каждый идетъ на свою работу. Тутъ ужъ никто не смѣетъ ослушаться!.. Затѣмъ онъ умоется, нѣсколько разъ перекрестится, взойдетъ на чердакъ, обопрется на перила, наберетъ себѣ кукурузы, затѣмъ сядетъ, вылущитъ зерна и отправится кормить птицу. Это было его любимое занятіе. Затѣмъ вернется въ домъ, позоветъ сноху, которая должна была ему прислуживать: обыкновенно назначалась самая молодая изъ женщинъ въ семьѣ, — она принесетъ ему умыться. Какъ помоетъ онъ руки, она ему обѣдъ принесетъ: когда день скоромный, приготовлялось или сухое мясо или солонина, а когда постный—картофель или бобы. Передъ обѣдомъ возьметъ онъ обыкновенно свою чарочку, перекрестится, помо-

лится Богу и своему св. Архангелу, и опрокинетъ чарку... Затѣмъ ужъ садится обѣдать.

Когда поѣстъ первое кушанье, сноха приноситъ ему второе и вино подастъ. Поѣвши, возьметъ онъ свой длинный чубукъ, раскроетъ кисетъ, набьетъ въ трубку табаку, сноха принесетъ ему огня, и онъ задымитъ... Когда зайдешь къ нимъ въ домъ, смотришь на него, — сущій владыка, прости Господи!.. Только смотришь, какъ онъ обращается съ этими людьми. Станойло обыкновенно молчитъ и куритъ; если ему что понадобится, онъ только слегка кашлянетъ... Уже сноха летитъ, точно откуда-то у нея крылья выросли. Глазами водитъ, чтобы узнать, что Станойлу нужно; а то вѣдь онъ самъ ничего не скажетъ... А тѣ, если спросятъ: „чего ты хочешь?“ — ну, тутъ все кончено. Напримѣръ, если бы онъ пилъ варенуху и кто-нибудь сказалъ бы: „Не отнести ли дѣтямъ одну чарочку вареной ракіи?“ такъ бы съ мѣста и вскочилъ! Жену свою держалъ въ кулакѣ, какъ яблоко! Такой-то былъ Станойло у себя дома!..

А въ селѣ?.. Въ селѣ былъ такой же сердитый, какъ и у себя дома. Прежде не было, какъ теперь, особаго судилища; судъ происходилъ или подъ какимъ-нибудь широко-вѣтвистымъ деревомъ, или передъ домомъ судьи, или посреди села. Тутъ судья обыкновенно судилъ людей парами, какіе приходили къ нему съ жалобами. И у насъ было такое дерево— тамъ, около креста. Теперь нѣтъ уже его.

Выйдетъ обыкновенно Станойло къ этому кресту (на перекресткѣ всегда ставили большіе кре-

сты). Кому что надо по жалобѣ или что потребовать отъ кого, всѣ приходятъ къ нему, Бога хвалятъ, съ судьей здороваются и излагаютъ ему свои жалобы. Станойло хорошо всякаго выслушаетъ и тогда самъ скажетъ: „Пусть оно будетъ такъ или иначе!“ и такъ ужъ оно и будетъ. Когда же нужно, чтобы всѣ селяне сошлись или ради какого договора или для раскладки податей, Станойло всегда за день до того назначаетъ сборы, посылаетъ служителя Вельку, и тотъ сзываетъ народъ. И умѣлъ онъ такъ кричать, что на все село слышно было!.. Даже тотъ, кто не могъ притти, и тотъ долженъ былъ отозваться. Ничто тебѣ не поможетъ, если ты не слышалъ. Станойло обведетъ глазами весь сборъ и такъ и отрѣжетъ словами: „Двадцать пять!.. Велько, что это онъ говоритъ, что не слышалъ тебя?“ И тутъ хоть кумъ, хоть братъ, хоть проси, хоть небомъ и землей клянись— ничто не поможетъ... Велько такъ наложитъ, что долго будешь почесываться и ужъ будешь слышать всегда, когда кричитъ Велько.

Когда онъ собиралъ подати, то всѣмъ говорилъ кому сколько платить, и зналъ каждаго по имени; зналъ, кто выплатилъ, а кто нѣтъ. И былъ при этомъ безъ всякой милости. Только скажетъ: „Черезъ семь дней отъ сегодня, чтобы подать была у меня въ рукахъ!..“

И тогда бралъ своего служителя, бралъ въ руки этотъ проклятый бичъ свой, и кто не давалъ, тотъ былъ битъ, кто бы то ни былъ... Позволяли ему бить, лишь бы не продавалъ все ра-

ди податей... Старые люди это одобряли и хвалили Станойла къ концу года:

— Вотъ молодецъ! Вотъ настоящій кметъ! Онъ тебѣ не будетъ долго человѣка мучить: ты ему то, ты ему другое, — онъ тебѣ ни слова, только молча куритъ!.. Зато нѣтъ недоимокъ. Ужъ что Станойло сказалъ, то должно быть, все равно, какъ надо хлѣба поѣсть, если хочешь сытымъ быть... Нигдѣ такого другого кмета нѣтъ въ селахъ.

Ну, молодежь не такъ-то долюбливала Станойла. Онъ ей не по сердцу былъ, потому что часто своевольничалъ, былъ ли правъ, неправъ— всегда по своей волѣ поступалъ... Только не смѣли молодые противъ стариковъ итти.

А Станойло?.. Онъ такъ себя велъ, точно его навѣки-вѣковъ кметомъ поставили. Не могъ и представить себѣ, чтобы кто-нибудь осмѣлился ему не повиноваться. Однако нашелся такой смѣльчакъ...

II.

То былъ его кумъ, Срѣчко Соковичъ.

Небольшого роста, сѣдой, съ румянымъ лицомъ, беззубый, добродушный старичокъ—таковъ былъ Срѣчко, или какъ мы всѣ его въ селѣ звали дѣдушка-Срѣчко!.. Богъ ему прости! Веселый былъ дѣдъ. Никогда ни съ кѣмъ не могъ спокойно разговаривать, всегда вертѣлся какъ воробей и билъ своей палкой о землю. Когда онъ видѣлъ, что его слушаютъ и одобряютъ его, онъ не зналъ отъ радости, что дѣлать. Бы-

ло ему такъ пріятно, точно Богъ знаетъ, что получилъ...

Въ селѣ очень уважали дѣда-Срѣчу. Когда нужно было о чемъ важномъ посовѣтоваться, сейчасъ звали дѣда-Срѣчу; а онъ радовался, что умные люди не хотятъ ничего рѣшать безъ его совѣта, и тотчасъ приходилъ, и о всякой вещи говорилъ много, совѣтовалъ такъ или иначе поступить. Между тѣмъ на словахъ онъ никогда не признавался, что это было ему пріятно; наоборотъ, онъ еще сердился, бранился и говорилъ каждому, какъ его безпокоятъ постоянно, что онъ долженъ бросать свою работу, чтобы итти и со старѣйшинами всякія дѣла рѣшать, и что онъ дѣлаетъ это только изъ любви къ своему сельскому обществу. Но мы всѣ знали, что это ему нравилось, а онъ своимъ крикомъ думалъ скрыть отъ насъ свое удовольствіе; поэтому мы только пріятно улыбались, слушая, какъ онъ притворялся сердитымъ.

Однажды, не знаемъ сами хорошо, по какому поводу, поссорился онъ со своимъ кумомъ, съ кметомъ Станойломъ. Станойло что-то сказалъ, а дѣдъ-Срѣча съ этимъ не согласился, даже сталъ доказывать, что вовсе не хорошо то, что предлагалъ кметъ Станойло; зная, какъ дѣда почитаютъ, Станойло еле сдержался передъ людьми, но съ этого времени онъ возненавидѣлъ своего кума Срѣчу и ждалъ только удобнаго случая, чтобы отомстить ему за публичную обиду. А дѣдъ Срѣчко съ тѣхъ поръ тоже началъ понемногу жужжать противъ Станойла, называя его самодуромъ. Гдѣ только онъ съ людьми

сойдется, сейчасъ начнетъ говорить о Станойлѣ. Молодежи очень нравились эти разговоры дѣда Срѣчко. Узналъ о нихъ и Станойло. Вскипѣлъ сразу, когда ему объ этомъ сказали: „Значитъ, онъ одинъ смѣетъ противъ меня итти? Значитъ, другіе слушаютъ, какъ онъ меня поноситъ? Заплатитъ онъ мнѣ за это сейчасъ же!“ Такъ думалъ про себя Станойло... И уже готовъ былъ сразу итти и свой приговоръ произнести: „Велько, двадцать пять!“ Но удержался, раздумывая: „Какъ онъ это перенесетъ? Онъ человѣкъ старый, къ тому же... къ тому же онъ мой кумъ... Начинать ли?...“

Проходилъ день за днемъ. Люди заняты были своей работой. Дѣдъ-Срѣчко какъ будто примирился съ кметомъ, но потомъ опять заговорилъ противъ Станойла; а Станойло только ждалъ случая, чтобы отомстить своему куму Срѣчко. И случай скоро подвернулся.

Какъ разъ это случилось на „Огненную Марію“. Обыкновенно въ этотъ день люди не работаютъ, а собираются около креста и бесѣдуютъ. Были тутъ и Станойло, и Срѣчко, и другіе почтенные хозяева. Сидѣли и разговаривали.

— Кто тамъ идетъ?—спросилъ дѣдъ Іова.

— Мирко идетъ!—отвѣчалъ дѣдъ Срѣчко, поднявши шапку, которая лѣзла ему на глаза.

— Какой Мирко? Кажется, Стоичъ!

— Онъ и есть!

— Чего онъ хочетъ?

— Ей Богу не знаю,—отвѣчалъ дѣдъ-Срѣчко.

Въ эту минуту Мирко подошелъ къ нимъ

— Помогай Богъ!

— Услыши тебя Богъ!

— О чемъ вы тутъ разговариваете?

— А такъ, сидимъ...

— Чего ты такой потный?—спросилъ его дѣдъ-Срѣчко.

— Тебя искалъ!

— Меня?

— Да, твои олухи пустили воловъ въ мою кукурузу и все мнѣ вытоптали.

— Не можетъ этого быть!

— Иди, и самъ увидишь!

— Ну, хорошо, какъ же они могли ихъ пустить?

— Ну, какъ... Говорилъ я тебѣ, чтобы ты свой заборъ около моей нивы поправилъ, и нужно было его постав ть. Знаешь, слава Богу!

— Я... я... да я же приказывалъ дѣтямъ, чтобы они присматривали... какъ это они пустили... И много напортили?

— Много, ей Богу!

У Станойла глаза заблестѣли.

— Велько!—крикнулъ онъ.

Велько явился.

— Выкрикивалъ ты на селѣ, чтобы люди скотъ стерегли, чтобы онъ не забирался въ потравы?

— Да, кричалъ!

— Говорилъ ты, что я буду наказывать каждаго, кто впуститъ скотъ на чужую землю?

— А, говорилъ!

— Ну, кумъ Срѣчко?—обратился Станойло къ старику, еле скрывая радость, что ему наконецъ, представляется случай...

— Постой... кумъ... я и самъ говорилъ своимъ, а... вотъ... видишь ты... они и выпустили...

— Какой же ты старшій хозяинъ, если младшіе тебя не слушаютъ?

— Слушаютъ, кумъ, слушаютъ... ну, да... видишь это... дѣти вѣдь... заигрались... Вотъ, что вытоптали, я заплачу... я вѣдь не отказываюсь...

— Знаю я, что ты заплатишь. Ты и долженъ заплатить, нечего и говорить. Но что за это еще будетъ?

— Ну, что же, больше ничего...

— Какъ больше ничего? Ты же слышалъ, что Велько объявлялъ, что каждому будетъ, кто выпуститъ скотину въ-хлѣбъ?

— Слышалъ самъ.

— И что же ты не повинуешься, нѣтъ?

— Да вѣдь это же дѣти...

— Велько, бери его!

— Что ты, кумъ, что ты?—крикнулъ дѣдъ-Срѣчко и вскочилъ, какъ ошпаренный.

— Что?.. Двадцать пять!.. Вотъ что!

Страшенъ былъ въ эту минуту Станойло. Большія вѣки его поднялись, и глаза блестѣли, какъ двѣ звѣзды. Дѣдъ-Срѣчко взглянулъ на него, посмотрѣлъ въ его глаза... и рубашка задрожала на немъ:

— Кому двадцать пять?

— Тебѣ!..—сразу отвѣтилъ Станойло.

— Мнѣ!

— Тебѣ!

— Вотъ на эти сѣдые волосы?—сказалъ дѣдъ-Срѣчко, скинулъ шапку и схватилъ въ свою руку цѣлую прядь бѣлыхъ волосъ.

— Да!

— Значитъ, тому куму, который тебя еще на рукахъ держалъ?

— И куму, и отцу родному, и Богу... и всякому, кто ослушается!.. Ложись!

— Я же заплачу!—заговорилъ дѣдъ Срѣчко.

— Ложись!—приказывалъ Станойло.

— Ложиться мнѣ?

— Ложись!

— Я не желаю!

Заблестѣли маленькіе глаза дѣда-Срѣча. Онъ вынулъ ножъ. Поглядѣлъ на всѣхъ и крикнулъ:

— Кто только подойдетъ—убью!.. Кумъ Станойло, вотъ я тебѣ за каждый ударъ заплачу по дукату. Видишь эти сѣдые волосы... Видишь ихъ... Посѣдѣлъ я уже, но никогда ни одного удара никто не смѣлъ мнѣ нанести... А ты... ты хочешь двадцать пять разъ меня ударить!..

— Да, хочу! Велько, держи его!..

Велько приступилъ къ старику, ударилъ палкой по его рукѣ, ножъ выпалъ, и Велько обхватилъ дѣда-Срѣчко. Люди повскакали съ мѣстъ.

— Что ты выдумалъ, Станойло?—воскликнулъ дѣдъ Іова.

Станойло поднялъ палку, подскочилъ къ дѣду Іовѣ и крикнулъ:

— Всѣ назадъ... Велько, веди на плаху!

Люди отступили назадъ. Никто не смѣлъ и взглянуть на Станойла, и никто не могъ придумать, какъ не допустить его выполнить то, что онъ приказалъ. Всѣ молчали. Казалось,

слышно было, какъ сердце бьется въ груди. Станойло дрожалъ отъ радости.

— Не на кума и св. Іоанна!..—крикнулъ дѣдъ-Срѣчко, когда его подвели къ той злополучной скамьѣ, что называлася плахою.

— Я и не хочу на кума!—говорилъ онъ, какъ бы болѣе спокойнымъ голосомъ, скинулъ шапку и бросилъ ее на землю, какъ можно дальше отъ себя.

— Видно, все кумовство въ шапкѣ.

— Кумъ, я же заплачу...

— Теперь я тебѣ отплачиваю!

Люди отвернулись и смотрѣли вдаль на дорогу. Велько подташилъ дѣда-Срѣчко, который все еще умолялъ пощадить его, повалилъ его на скамью, привязалъ ему руки, ноги и спину къ скамьѣ. Повернулся, чтобы взять палку. Дѣдъ-Срѣча опять просилъ, а Станойло сдвинулъ брови и нѣсколько разъ повторилъ:

— Вотъ уже кумовство въ шапкѣ!..

Палачъ Велько изломалъ на дѣдѣ-Срѣчко всю палку и развязалъ его. Но старикъ безмолвно оставался лежать на скамьѣ, какъ мертвый. Велько сбросилъ его со скамейки на землю. Дѣдъ поднялся: заплаканными, налитыми кровью глазами онъ оглянулся на собравшихся людей, бросилъ взглядъ и на Станойла, у котораго глаза бѣгали, и на Велько, стоявшаго около Станойла и почесывавшаго спокойно себѣ голову, но опустившаго глаза внизъ. Нѣсколько секундъ онъ молча стоялъ, не могъ мыслей собрать; грудь его высоко поднималась, руки висѣли... Вдругъ глаза его наполнились слезами:

онъ зарыдалъ... Закрылъ глаза обѣими руками, подошелъ къ кресту и опустился передъ нимъ... Затѣмъ онъ поднялъ голову, оглянулся еще разъ на людей и плюнулъ:

— Стыдъ вамъ и срамъ!.. Что вы допустили сдѣлать на вашихъ глазахъ?.. Вы... вы не люди!..

Онъ перекрестился, поцѣловалъ крестъ и громко произнесъ:

— Всемогущій Боже! Услышь голосъ червя Твоего и выслушай его молитву!—Онъ оглянулся на Станойла; тотъ невольно вздрогнулъ.

— Боже, дай моему куму испытать въ жизни горе!.. Преврати радости его въ печали!.. Да сотрется сѣмя его, а самъ ты, юнакъ, не умрешь, пока передо мною, на колѣняхъ, не вымолишь мое прощеніе!.. Говоришь ты, что все кумовство въ шапкѣ, ну, такъ ты изорви ее... и я ее порву и... больше мы съ тобою не кумовья!..

Говоря эти слова, дѣдъ-Срѣчко схватилъ шапку, которая была у него подъ ногами, и всю ее изорвалъ. Затѣмъ прошелъ черезъ толпу и направился къ своему дому. Вѣтеръ игралъ его бѣлыми какъ снѣгъ волосами, и люди смотрѣли ему вслѣдъ и дрожали отъ страха.

III.

Нѣсколько минутъ стояла мертвая тишина. Никто не произнесъ ни слова. Люди точно не могли притти въ себя отъ изумленія и какъ бы переговаривались между собою одними глазами. Затѣмъ вдругъ сразу начался говоръ; онъ раз-

растался, становился все оживленнѣе и громче. Слышался и голосъ дѣда Іовы.

— Люди, братцы, что же это у насъ случилось?

— Несчастье!..—кричали одни.

— Бѣда!—кричали другіе.

— Позоръ!—отзывались третьи.

— Какъ онъ могъ такъ?

— И Богъ его за это тутъ же не убилъ?!

— И громъ его не сразилъ!

— Такъ старика мучить!

— Да еще кума, что его на рукахъ держалъ!

— Ужъ если онъ кума не уважаетъ, значитъ, онъ и Бога не почитаетъ!

— И онъ нашъ кметъ?—сказалъ дѣдъ Іова.

— Надо сейчасъ его „раскметить!“ — кричалъ весь собравшійся народъ.—Давай сейчасъ свой судейскій посохъ!

— Передай его дѣду Іову!

— Да, да!—подхватили старики: —отдай посохъ дѣду Іовану!

Станойло стоялъ, какъ каменный. Онъ не слышалъ крика людей; онъ все слѣдилъ долгимъ взглядомъ за уходившимъ дѣдомъ-Срѣчомъ. Онъ уже не дрожалъ, только глаза у него были широко раскрыты и совсѣмъ стеклянные, какъ у покойника.

— Станойло!

— А?

— Народъ тебя не желаетъ больше за кмета; дай сюда свой посохъ!

Онъ поглядѣлъ на дѣда Іову такъ, что тотъ отступилъ отъ него на нѣсколько шаговъ.

— Народъ не хочетъ, чтобы ты оставался кметомъ! — еще разъ ясно повторилъ дѣдъ Іова.

— Не хочетъ?

— Да, не хочетъ.

— Не хотимъ тебя! Отдавай посохъ... Ты намъ больше не судья!—кричалъ народъ.

Станойло молчалъ. Тогда изъ толпы выступилъ Ивко Чулоберкъ. Это былъ крупный, сильный человѣкъ. Онъ выхватилъ у него изъ рукъ посохъ и крикнулъ:

— Братцы, люди, вотъ и посохъ у насъ. Кому прикажете его передать?

— Іовану, дѣду Іовану!..—кричалъ народъ.

Ивко передалъ Іовану посохъ. Іованъ взялъ его. Станойло опустилъ руки внизъ и молчалъ.

— Вы меня, братцы, выбрали въ свои кметы?—спросилъ дѣдъ Іова.

— Да, да, Іованъ!.. Да, дѣдушка Іова!

— Но, братцы мои, вѣдь я тоже человѣкъ жестокій.

— Но ты не безсердечный!—кричали люди.

— Нѣтъ, этого за мною нѣтъ!

— Ты почитаешь Бога и душу не погубишь.

— Ну, такъ, значитъ, признаете меня своимъ кметомъ?

— Да, да, признаемъ тебя!

— Тогда, братцы мои, я требую, чтобы вы меня слушали.

— Будемъ слушать тебя!

— А я буду съ вами совѣтоваться!

— Такъ, такъ!

Въ полчаса, не болѣе, перемѣнили кмета. Па-

лачъ Велько сейчасъ же подошелъ къ дѣду Іову.

— Что тебѣ надо?—спросилъ тотъ.

— А ты же кметъ?

— А Станойло?

— Онъ уже не...

— Значитъ, если бы ты услыхалъ отъ меня приказъ наложить Станойлу двадцать пять, ты бы сейчасъ и исполнилъ?

— Если ты прикажешь! — отвѣчалъ Велько.

Станойло попрежнему молчалъ. Онъ какъ будто и не слышалъ, что говорилось кругомъ него, какъ будто разговоръ этотъ вовсе его не касался. Прислонившись къ кресту, опустивши руки и наморщивъ лобъ, онъ думалъ только о томъ, что здѣсь только что произошло. По лицу его видно было, что совѣсть грызла его за этотъ недобрый поступокъ. На лицѣ его выступилъ потъ, но онъ ни разу не поднялъ руки, чтобы хоть рукавомъ, хоть рукой обтереть его... онъ, вѣроятно, и не замѣчалъ его... Наконецъ, онъ оглянулся кругомъ. Всѣ смотрѣли на него съ негодованіемъ. Онъ понялъ свое положеніе. Въ этой толпѣ онъ вдругъ почувствовалъ себя совсѣмъ чужимъ, одинокимъ... Ни одно сердце не билось за него... тяжело ему стало; это видно было по его частому дыханію... Безсильный приказать что-нибудь (его никто уже не слушалъ), безсильный оказать милость (вѣдь онъ и самъ былъ немилосерднымъ), онъ не имѣлъ силъ побороть муки своего сердца и выдержать эти враждебные взгляды; онъ долженъ былъ уйти.

Онъ отдѣлился отъ креста... Земля заколебалась у него подъ ногами; онъ зашатался... И тѣ самые люди, которые такъ недавно боялись одного его взгляда, теперь и не глядѣли на него. Только Чулоберкъ немного поддержалъ его, другіе только покашливали. Пошатываясь, дошелъ Станойло до перекрестка и сталъ. Стоялъ бы долго тутъ, но что-то внутри его самого требовало, чтобы онъ шелъ дальше. Онъ не глядѣлъ, куда шелъ... лишь бы итти... уйти, убѣжать отъ этихъ людей, отъ всего свѣта. Прошелъ цѣлую улицу. Двѣ—три собаки полаяли на него нѣсколько разъ... Онъ вышелъ въ поле и помчался, какъ вѣтеръ, мимо садовъ, огородовъ, не дорогою, а тропинками.

— Что я надѣлалъ, что я надѣлалъ! Проклятая моя голова!.. Проклятый мой характеръ!.. Сегодня, сегодня утромъ... Что со мной сталось?.. Я избилъ кума, который меня крестилъ!.. Вѣдь крестный больше почитается, чѣмъ родной отецъ!.. Онъ меня проклялъ... Какъ онъ сказалъ: „Радости твои обратятся въ печали... Сотрется сѣмя твое...“ А кумъ можетъ проклясть; его проклятіе Богъ исполняетъ скорѣе, чѣмъ проклятіе матери и отца!.. Кого кумъ проклянетъ, тому не знать больше счастья!.. А у меня же мой единый! мой Радой, и я берегу его, какъ зѣницу ока! Онъ моя радость, моя утѣха, мое счастье, все. „Радости твои обратятся въ печали... сѣмя твое сотрется!“

Станойло задрожалъ. Какой-то холодъ прошелъ по всему его тѣлу, отъ головы до пятъ...

колѣна у него подгибались; онъ былъ блѣденъ, какъ стѣна.

— О, Боже! Творецъ мой! Молюся Тебѣ: сохрани, Господи, моего единаго, мою единую радость, отраду дома моего, счастье мое... моего Радоя... Убей меня... меня: я виноватъ!.. Охъ, земля, отчего ты подо мною не раскроешься?.. Порази меня громомъ, Господи... порази несчастнаго, что осмѣлился поднять руку на своего кума!.. Но Радоя моего... дитя мое... Онъ еще такой юный, совсѣмъ маленькій!.. Молю тебя... только за него, за него... надо еще... молю Тебя, Отецъ нашъ небесный!.. охрани, о-х-р-а-н-и е-г-о.

Тутъ его молитву заглушили рыданія. Онъ упалъ ничкомъ на землю и охватилъ голову руками. Слезы выступили у него изъ глазъ; то были первыя слезы послѣ его дѣтскихъ лѣтъ.

Блаженъ всякій, чьи глаза могутъ орошаться слезою. Слеза для больного сердца—что омывающій элексиръ для раны. Она уноситъ боль, какъ вѣтеръ уноситъ соломинку.

Станойло поднялся. Немного успокоился, но снова охватилъ его страхъ. Пошелъ, размышляя:

— Что же мнѣ дѣлать? Надо помириться съ кумомъ; но какъ? Какъ я напомню ему это все?.. Какъ?.. Нѣтъ, не могу! Какъ я ему на глаза покажусь, какъ осмѣлюсь ему въ глаза посмотрѣть? Просить людей, чтобы насъ помирили?.. Никто не захочетъ. Всѣ меня возненавидѣли... Самъ Богъ меня оставилъ... я самъ себѣ противенъ!.. Но мнѣ надо помириться, пока проклятье не исполнилось... Нѣтъ никого, кто могъ

бы мнѣ помочь. А я самъ, хоть бы и хотѣлъ, не могу ничего подѣлать... За себя я ничего не боюсь... мнѣ все равно... Если бы смерть меня сразила, это было бы для меня лучше всего!.. Но Радой!.. Что, если она сразитъ его?!.

Снова охватило его отчаяніе. Онъ хотѣлъ оторваться отъ этихъ ужасныхъ мыслей. Заставилъ себя думать о другомъ, но снова возвращались всѣ мысли къ одному. Изъ головы не выходили слова: „Радости твои обратятся въ печали... Сотрется сѣмя твое!“

Солнце уже заходило, когда онъ вернулся въ село. Вечерній вѣтерокъ охлаждалъ дневной жаръ; женщины стояли у порога домовъ и разговаривали между собой; дѣти играли на дорогѣ, ссыпая песокъ въ небольшія кучки.

Дневное событіе уже разнеслось по всему селу, и у всѣхъ на устахъ только и разговора было, что про Станойла да про дѣда Срѣчко. Особенно женщины не могутъ успокоиться, пока вдоволь не наговорятся.

— А ты, голубка, слышала, что сегодня было у креста съ бѣднымъ дѣдушкой-Срѣчко?—говорила одна.

— Да, да, несчастный! Слыхала въ тотъ самый часъ!

— Побей его громомъ! Какъ онъ посмѣлъ это сдѣлать. Да еще надъ кумомъ!

— Чему же ты удивляешься? Онъ—настоящій душманъ*)! Говорила я это, еще когда его въ кметы выбирали!

---

*) Душманъ значитъ у Сербовъ врагъ, чужой. Прим. перев.

— Говорятъ, что онъ его проклялъ.

— Конечно, проклялъ! Не поможетъ ему теперь и монастырь, хоть бы его тамъ сто монаховъ отчитывали.

— Говорятъ, что и кумовство порвали, и дѣдъ отрекся отъ него...

— Ну, а то какъ же ты думаешь?.. Кто же не отрекся бы отъ душмана? Право, за всю мою жизнь глаза мои такого человѣка не видали!

— Молчи, несчастная!.. вотъ онъ!

Онъ шелъ нагнувъ голову и сгорбившись. Шелъ прямо, дорогою.

— Боже, это кметъ!—сказалъ кто-то изъ дѣтей. Дѣти повернулись, и одинъ изъ старшихъ сказалъ:

— Онъ? кметъ?.. Не кметъ онъ больше. Мой отецъ говорилъ, что онъ больше не кметъ!..

Не говоря ни слова, прошелъ онъ мимо и вошелъ въ свой домъ.

IV.

Если бы громъ грянулъ надъ домомъ Пуретичей, онъ не вызвалъ бы такого большого волненія, какъ извѣстіе, что Станойло избилъ дѣда-Срѣчко. Всѣ были возмущены и перепуганы; матери прижимали къ себѣ дѣтей, ласкали ихъ, миловали ихъ. Каждая смотрѣла на своего ребенка глазами, полными слезъ; онѣ знали, что проклятіе прежде всего поражаетъ дѣтей. Братья Станойло говорили между собой, что одно спасеніе—раздѣлиться.

— Не хотимъ мы больше изъ одной миски хлебать,—говорилъ старшій, Милисавъ.

— Еще и самимъ погибнуть и смотрѣть, какъ наши дѣти будутъ умирать!—говорилъ Петръ.

— Вѣдь просилъ я его, чтобы не принималъ на себя этого проклятаго судейства; но онъ тогда разгнѣвался на меня, приказалъ, чтобы я смотрѣлъ за своимъ дѣломъ,—сказалъ Кузманъ.

— Какъ я говорилъ, такъ и сталось, — вмѣшался и Чурачъ.

— Такъ что жъ? Скажемъ ему, что мы раздѣлимся?—спросилъ Милисавъ.

— Скажемъ.

— А кто же ему скажетъ?—спросилъ Петръ.

— Я,—отвѣтилъ Милисавъ.

— И что человѣкъ натворилъ и себѣ и намъ!—сказалъ Кузманъ.

— И раньше было много чего!—говорилъ Чурачъ.

— Я давно говорилъ, что не годится онъ въ кметы!—горячился Милисавъ.

— Говорилъ!.. Не приносило оно добра ни тебѣ, ни мнѣ!—разсуждалъ Кузманъ.

— Что значитъ, что его до сихъ поръ нѣтъ?—спрашивалъ Петръ.

— Не знаю!

— Не остался ли онъ около креста?

— Нѣтъ; говорили, что онъ ушелъ въ поле.

— И онъ уже не кметъ?

— Уже нѣтъ; теперь дѣдъ Іова кметомъ.

— Уже темнѣетъ, а его все нѣтъ!

Въ эту же минуту стукнула калитка. Они оглянулись. Онъ входилъ, весь сгорбленный. Прошелъ

мимо нихъ и, не поздоровавшись, вошелъ въ комнату. Всѣ молчали, точно воды въ ротъ набрали. Ждали, что онъ выйдетъ во дворъ, но онъ не выходилъ.

Въ эту ночь никто не спалъ въ домѣ Пуретичей. Жены только вздыхали, мужчины молча курили свои трубки... Ночь проходила, близился разсвѣтъ. Милисавъ поджидалъ, позоветъ ли онъ его по обыкновенію, чтобы назначить всѣ работы на день. Ждалъ, ждалъ и не дождался. Наконецъ самъ пошелъ въ его комнату... Станойло сидѣлъ на кровати, уронивъ голову на руки, и молчалъ. Степанида, жена его, стояла около печки... Онъ не поднялъ головы, когда Милисавъ открылъ двери. Милисавъ откашлялся, онъ попрежнему не поднималъ головы.

— Станойло!—окрикнулъ его Милисавъ.

— А?—произнесъ онъ и поднялъ голову.

Милисавъ посмотрѣлъ на него. Глаза его были налиты кровью; лицо какъ-то сморщилось, волосы были бѣлы.

— Вотъ я пришелъ!

— Что надо?

— Имѣю, что тебѣ сказать.

— А что?—сказалъ Станойло, оглянувъ его.

Милисава точно что-то душило, и голосъ его прерывался.

— Позовемъ и другихъ...—сказалъ онъ.

— Позовемъ и тѣхъ,— отвѣчалъ Станойло, и Милисавъ вышелъ.

Вскорѣ вошли всѣ четверо. Станойло поднялся, сказалъ Степанидѣ, чтобы вышла на огородъ.

Когда остались одни мужчины, онъ спросилъ ихъ болѣзненнымъ голосомъ:

— Чего вы хотите?

— Хотимъ раздѣлиться!—сказалъ Милисавъ.

— Хотите дѣлиться?

— Да, хотимъ всѣ раздѣлиться!—въ одинъ голосъ сказали всѣ четверо.

— А я хотѣлъ вамъ нѣчто другое сказать!

— Что же именно?—спросили братья.

— Хотѣлъ, чтобы сходили вы къ куму!

— Онъ намъ больше не кумъ. Люди говорятъ, что отрекся онъ отъ нашего кумовства, правда ли это?

— Правда... такъ... вотъ можетъ вы упросите его.

— А ты самъ?

— Я не смѣю!

— А мы то какъ же...

— Идите, умоляйте его, онъ вамъ проститъ...

— Что скажешь, Милисавъ?

— Я не смѣю!

— И мы тоже! —сказали остальные трое.—Поговоримъ лучше о раздѣлѣ.

— Но... я же васъ прошу!

— Не смѣемъ!

— Хотимъ дѣлиться,—настаивалъ Чурачъ.

— Все вамъ отдаю!

— Какъ, наше родовое?..

— Мнѣ ничего...

— Тебѣ самому не нужно, а Радою?—сказалъ Кузманъ.

Онъ поднялъ голову и сказалъ:

— А мы думаемъ, лучше было бы...

— Оставите ему, сколько захотите!

— Такъ лучше... Идите, сговоритесь... поручаю вамъ Радоя...

Влетѣла, какъ безумная, Степанида и заголосила:

— Что случилось?—воскликнули всѣ.

— Кумъ Срѣчко умеръ!

Точно бомба надъ нимъ разразилась, всѣ онѣмѣли отъ ужаса. Первый пришелъ въ себя Станойло.

— Умеръ!.. А когда?

— На разсвѣтѣ!—послышался отвѣтъ.

Нечего было больше говорить о сохраненіи задруги. Этотъ домъ былъ проклятъ, надо было изъ него скорѣе выселяться. Все имѣніе наскоро было подѣлено. Никто не спорилъ и ничего не требовалъ. Станойло остался въ домѣ одинъ со Степанидой и Радоемъ...

V.

Степанида и раньше не отличалась крѣпкимъ здоровьемъ, а извѣстіе о смерти дѣда Срѣчко совсѣмъ уложило ее въ постель. Кто только видѣлъ ее, понималъ, что ей уже не встать съ кровати. Станойло совсѣмъ замолчалъ. Люди о немъ не заботились; все живое избѣгало даже встрѣчи съ нимъ, и онъ самъ ни къ кому, никуда не ходилъ. Съ того времени, какъ заболѣла Степанида, одна изъ невѣстокъ изъ дома Милисава приходила работать. Степанидѣ становилось все хуже и хуже. Насталъ вечеръ, когда она закрыла глаза навсегда. Это несчастье нѣсколько примирило со-

сѣдей со Станойломъ. У насъ, какъ вы знаете, есть такой обычай, что гостей, какихъ звали на свадьбу, зовутъ и на похороны. Такъ и сошлись всѣ сосѣди проводить Степаниду въ вѣчное жилище. Многіе смягчались, глядя на Станойла: такъ онъ былъ жалокъ. Онъ видѣлъ, что кумово проклятье начинаетъ исполняться. Онъ былъ увѣренъ, что изъ его дома скоро вынесутъ еще одинъ гробъ, такъ какъ у покойницы глаза оставались открыты, а это признакъ, что кто-нибудь еще скоро умретъ. Въ душѣ у него кипѣло, какъ въ котлѣ. Внутренній огонь жегъ его, а что у человѣка дѣлается внутри, то на лицѣ всегда отпечатывается. Увидѣли сосѣди, какъ страдалъ Станойло, начали его жалѣть... А люди, какъ люди... легко забываютъ прошлое. Что когда-то хвалили—теперь порицаютъ, что прежде порицали—теперь готовы хвалить. Потому и говорятъ: новый день—новая забота.

— Эхъ, господа! Развѣ не бываетъ, что человѣкъ мѣняется!—сказалъ одинъ.

— Эхъ, братецъ... не знаешь ты ничего,—возражалъ ему другой.

— Теперь я знаю, каковъ Станойло.

— Но какъ онъ исхудалъ! — говорили третьи.

— Совсѣмъ побѣлѣлъ!—добавлялъ первый.

— Видите, господа, вовсе онъ не плохой человѣкъ,—говорили другіе.

— Онъ только жестокъ.

— Зато какъ онъ страшно искупаетъ...

— Правда ли, мнѣ казалось, что у покойной Степаниды не были закрыты глаза?

— Нѣтъ, неужели не закрыты?

— Ей Богу, открыты!

— Значитъ, еще кто-то изъ дому...

— Должно быть, Станойло. Скоро увидимъ его на столѣ.

Старый дѣдъ Чира отрицательно покачалъ головою:

— Что думаете, дѣдушка?

— Боюсь за его сына!..

— Но онъ здоровый, какъ трава!

— На немъ проклятье, сынъ мой! Покойный дѣдъ Срѣчко, помнится мнѣ, прямо сказалъ: „Да сотрется сѣмя твое!“

— Да!

— То-то и есть!.. — говорилъ дѣдъ Чира, покачивая головой.

— Вотъ Станойло!

Онъ подходилъ къ гостямъ и спрашивалъ, имѣютъ ли они въ чаркахъ „ракію“ (водку).

Похоронили Степаниду. Станойло почтилъ ее какъ слѣдуетъ, соблюдалъ и девятый и сороковой день, и полугодовой и годовой срокъ, правилъ панихиды и все исполнялъ, какъ того требуетъ обычай. Когда кончился годъ, задумалъ онъ женить Радоя. И давно пора была. Цѣлый годъ домъ оставался безъ хозяйки, а тамъ, гдѣ въ домѣ нѣтъ женщины, тамъ ужъ мы, слава Богу, понимаемъ, какъ идетъ хозяйство.

Да и парень же былъ красивый, этотъ Радой!.. Въ полномъ расцвѣтѣ силъ и здоровья. Уже пробивались у него черные усы, начинала уже и борода расти, но онъ тщательно брилъ ее... Прекрасно игралъ на свирѣли, пѣлъ прекрасно, веселый, на всѣ руки мастеръ. Когда дѣвушки съ

нимъ встрѣчались, онѣ забывали о тяготѣвшемъ надъ нимъ проклятіи.

Глядя на него, и Станойло забывалъ свои страданья. Началъ и къ людямъ заходить. Помирился съ сыновьями дѣда-Срѣчко, и если бы согласилось нѣсколько добрыхъ людей, то можно было бы и кумовство возобновить. Началъ Станойло подыскивать сыну невѣсту и нашелъ ее въ П** у Селичима. Дѣвушка понравилась парню: какъ-то подходили они другъ къ другу, какъ двѣ ягодки. Зоветъ Станойло всѣхъ въ сваты. Заходила изъ рукъ въ руки серебряная чарка. Пригласилъ и Іована сына дѣда-Срѣчко, просилъ его въ кумовья, но Іованъ отказался, потому что отецъ на смертномъ одрѣ заклиналъ его не кумиться. Согласился сватомъ быть. Станойло назвалъ кумомъ кмета, дѣда Іову. Весело было на сердцѣ у Станойло. Подъ нимъ помолодѣли его старыя ноги. Ходилъ, быстро поворачивался двигался сюда, туда,— чего онъ только не продѣлывалъ! „Слава Тебѣ, Господи! Дай мнѣ только дожить, чтобы видѣть его женатымъ, видѣть, знать, что изъ этой трубы пойдетъ дымокъ и будетъ у насъ кому славу славить, какъ хозяйкѣ. А тогда.. тогда пусть я умру, большей радости мнѣ уже не видѣть!“—такъ молился Богу Станойло. А среди молитвы мелькнетъ въ головѣ страшное проклятье кума... и задрожитъ старикъ, жизнь вдругъ точно въ немъ застынетъ, и онъ уже безъ всякой увѣренности, почти безсознательно повторяетъ слова молитвы: „Милосердный Боже! Исполни мою молитву!“ Но надежда брала верхъ, и онъ какъ бы наперекоръ опасеньямъ повто-

рялъ начало молитвы. Онъ ими точно хотѣлъ выбить изъ головы ту мысль, которая не давала ему жить...

VI.

Насталъ, наконецъ, и давно жданный день. Станойло рано поднялся и озабоченно ходилъ по своему двору. Былъ одинъ изъ лучшихъ осеннихъ дней... Сваты начали сходиться. Пришелъ кумъ-старичокъ, пришелъ деверь, лучшій другъ Радоя, сынъ нѣкоего Крисмана Петровича, по имени Сима, и остальные приглашенные сваты. Старый кумъ привелъ цыганъ, тутъ были всѣ инструменты: и бубенъ, и барабанъ, и флейты и др. Старшій сватъ подошелъ къ Станойлу, когда сваты пообѣдали.

— Ну, отправимся!

— Хорошо!... А ты куда идешь, Радой?

— Мы идемъ взять твои пистолеты, отецъ.

— Ну, идите!

Двинулись. Всѣ съ пѣснями, веселые. На коняхъ около сорока молодцевъ, все на подборъ, одинъ лучше другого. Стрѣляютъ изъ ружей, славятъ сватовъ, всѣ радуются. А Станойло, такъ заплакалъ отъ радости и, вытирая своимъ широкимъ рукавомъ слезы, говорилъ:

— Что это со мною? Съ чего я плачу?

— Это отъ радости, — говорилъ кумъ.

— Правда твоя, отъ радости!

— Другихъ слезъ и знать не знаю!

— Дай Боже!

Въ эту минуту снова въ головѣ, какъ молнія,

пронеслось проклятіе кума, и, чтобы заглушить неотвязчивую мысль, онъ запѣлъ:

Мајка Мару подъ планина даје,
Мајка даје, а Мерина не чьэ!
Не чьу, мајко, жива подъ планину!
Подъ планину често Турціи оде...

— Что тамъ случилось, кумъ? — вдругъ сказалъ дѣдъ Іова.

Наѣздники вдругъ повскакивали съ лошадей. Поспѣшили туда, и что они увидѣли: Радой лежалъ мертвъ, въ рукѣ его былъ пистолетъ.

— Какъ!.. Что же это?..

Дѣло сразу стало ясно. Радой сказалъ своему побратиму, Симѣ, чтобы онъ стрѣлялъ изъ пистолета, такъ какъ они уже приближались къ дому невѣсты. Сима послушался, но пистолетъ давалъ осѣчки. Радой говорилъ ему, что пистолетъ давно заряженъ, чтобы онъ лучше нажалъ курокъ. Тотъ такъ и сдѣлалъ, потянулъ за курокъ, выстрѣлилъ, фитиль вспыхнулъ. Радой взялъ пистолетъ, чтобы посмотрѣть, остался ли еще зарядъ и неосторожно держалъ его, какъ разъ передъ своимъ ртомъ, пистолетъ неожиданно выстрѣлилъ, и онъ упалъ замертво... Пистолетъ былъ давно заряженъ и давно не чищенъ, огонь задержался внутри, но потомъ дошелъ до фитиля, и произошелъ выстрѣлъ,—случай обыкновенный съ кремневымъ оружіемъ.

Плакали и молодые и старые. Не было слезъ только у Станойла. Онъ стоялъ, какъ каменный, руки заложилъ за поясъ и смотрѣлъ на своего сына, а тотъ лежалъ съ откинутой головою, весь

въ крови... Кто сможетъ сказать, какія мысли ворочались у отца въ головѣ!.. Это можетъ знать только тотъ, съ кѣмъ случалось такое же несчастье, какъ со Станойломъ. Но испытать этого я никому не пожелаю, въ добрый часъ будь сказано.

Неожиданно Станойло повернулся, выхватилъ у деверя изъ-за пояса пистолетъ, прижалъ его къ своему лбу, взвелъ курокъ и выстрѣлилъ раньше, чѣмъ успѣли его удержать... Мозгъ брызнулъ изъ черепа на стоявшихъ близко людей, и вмѣсто одного покойника лежало двое —отецъ и сынъ!

Сваты, ошеломленные, глядѣли на все происходившее. Когда, наконецъ, пришли къ сознанію дѣйствительности, дѣдъ Іова произнесъ:

— Бѣдное дитя! Что сталось, то сталось! Если кумъ наложитъ проклятіе, то и мать никакими молитвами отъ него не спасетъ.

Вотъ оно, что значитъ кумово проклятье!

ЛАЗО ЛАЗАРЕВИЧЪ.

Первый разъ съ отцомъ на заутрени.

I.

Было мнѣ тогда, я думаю, около девяти лѣтъ. Помнится мнѣ все довольно смутно. Разскажу вамъ, что лучше запомнилось. Старшая моя сестра это тоже помнитъ, а младшій братишка совсѣмъ ничего не знаетъ.

Мнѣ и мать многое разсказывала сама, да и я, когда подросъ, ее разспрашивалъ. Отецъ—наоборотъ: никогда объ этомъ ни словечка!

Онъ, т. е. отецъ мой, одѣвался, конечно, по-турецки: кафтанъ носилъ красный, бархатный, поверхъ кафтана надѣвалъ балахонъ изъ зеленаго сукна. Поясъ съ золотыми шнурками въ нѣсколько рядовъ, шитый золотомъ, за нимъ продѣтъ былъ пистолетъ съ ручкой изъ слоновой кости и ножъ въ серебряныхъ ножнахъ и съ рукояткой тоже изъ слоновой кости; на концахъ пояса бахрома свѣшивалась на лѣвомъ боку. Широкіе штаны на шелковыхъ шнуркахъ до половины закрывали ноги въ бѣлыхъ чулкахъ и высокихъ башмакахъ. На голову онъ надѣвалъ феску, сдвигая ее немного на лѣвый

бокъ; въ рукахъ у него всегда былъ деревянный чубукъ съ трубкою въ янтарной оправѣ, а съ правой стороны, изъ-подъ пояса, свѣшивался кисетъ, вышитый золотомъ и стекляруcомъ. Настоящимъ франтомъ выглядѣлъ мой отецъ!

Характера былъ онъ—тяжело мнѣ это говорить, но разъ я началъ разсказъ, нельзя ничего замалчивать—страннаго былъ отецъ мой характера. Серьезный, гордый: если онъ что разъ скажетъ, да если это не исполнишь,—бѣги лучше, куда знаешь. Задорный былъ, любилъ на своемъ настоять; бывало, никто не смѣлъ ему противорѣчить. Какъ разсердится, помилуй Богъ, какъ ругается! И оплеухъ надаетъ, и сразу драться начнетъ, и разгорячится такъ, что бѣда. А сердился онъ легко: нахмурится сразу, закуситъ нижнюю губу, правая бровь у него поднимется кверху, сдвинутся брови, черные глаза заблестятъ. Ой-ой-ой! Пусть-ка тогда подойдетъ къ нему кто, да скажетъ ему что-нибудь! И самъ не знаю, чего я его такъ страшно боялся; всего одинъ разъ побилъ онъ меня по щекамъ,—не велика бѣда! Но я его глазъ боялся: какъ взглянетъ, точно изъ пращи мечутъ они въ тебя стрѣлы, и самъ не знаешь, за что, про что, а дрожишь, какъ лозинка.

Никогда-то онъ не смѣялся. Помню, одинъ разъ держалъ онъ на рукахъ моего маленькаго братишку Дрокицу. Далъ ему свои часы поиграть, а Дрокица схватилъ, да и суетъ отцу часы въ губы, а уже какъ будто плачетъ, что рта не можетъ открыть отцу. Мы съ сестрой чуть не

умерли отъ смѣха; и тутъ видѣли мы, что и отцу было смѣшно: усмѣшка съ лѣвой стороны рта на щекѣ заиграла, и вокругъ лѣваго глаза собралась кожа мелкими морщинками. Это и былъ весь его смѣхъ, и большая рѣдкость была, чтобы и такая усмѣшка смягчила его лицо, даже тогда, когда другой такъ хохоталъ бы, что и въ корчмѣ у Тетребы слышно стало бы.

Помню я еще, когда умеръ мой дѣдъ, съ которымъ мой отецъ обо всемъ совѣтовался потоварищески и котораго всѣ такъ любили: моя тетка, мама, дяди, мы, дѣти,—всѣ плакали, рыдали, голосили, всѣхъ насъ горе охватило! А отецъ ничего, не показываетъ и виду, что и ему горе, ни слезинки у него не упало, ни одного вздоха не вырвалось. Только когда стали дѣда изъ хаты выносить, задрожала у отца нижняя губа, весь онъ затрясся, прислонился къ двери, бѣлый, какъ мѣлъ, но ни словечка не произнесъ.

Отъ словъ своихъ никогда, цѣною головы своей, не откажется, хотя бы въ душѣ онъ и каялся. Помню, какъ онъ прогналъ слугу своего Прока. Всѣ мы видѣли, что ему жаль было его отправлять, и онъ раскаивался, что прогналъ Прока; онъ любилъ его больше всѣхъ своихъ слугъ, но перемѣнить рѣшенія ни за что не согласился бы. Только одинъ разъ онъ его ударилъ, когда тотъ, наливая изъ бочки ракію (водку), нехорошо завернулъ кранъ и водки немного пролилось. Кромѣ этого случая отецъ его и пальцемъ не трогалъ, все ему довѣрялъ, посылалъ его по селу долги собирать, многое по-

ручалъ ему. А знаете ли, за что онъ его прогналъ? И побожусь, такъ не повѣрите. За то, что увидѣлъ его играющимъ въ орлянку,—ну, не удивительный онъ человѣкъ? Случилось это въ Юрьевъ день. Пришелъ Прока въ лавку, чтобы подписали ему новый счетъ. Отецъ мой взялъ девяносто грошей и говоритъ: „На, вотъ тебѣ жалованье! Мнѣ тебя больше не нужно, иди, ищи себѣ такое мѣсто, гдѣ можно въ орлянку играть". Гналъ съ глазъ Прока, а тотъ плакалъ, какъ дитя, умолялъ отца. Я видѣлъ, что отецъ и тронутъ и взволнованъ, но развѣ онъ когда-нибудь уступалъ?—Боже сохрани! Выплюнулъ еще одинъ дукатъ, далъ ему и сказалъ: „На, и съ глазъ долой!" Ушелъ Прока, а отецъ въ душѣ долго каялся, что утратилъ своего поистинѣ лучшаго слугу.

Отецъ никогда не шутилъ ни съ нами, дѣтьми, ни съ нашей матерью (майкою), ни съ кѣмъ. Странно жили они съ матерью. Я не говорю, чтобы онъ, не дай Богъ, какъ другіе, билъ ее или иначе обижалъ; нѣтъ, этого не бывало: всегда онъ былъ серьезный, холодный, ревнивый къ чужимъ, это правда. А она, сиротка, добрая, какъ святая, была, и заботилась о немъ, какъ насѣдка объ яйцахъ. Чуть онъ замѣтитъ какой непорядокъ, она сейчасъ плачетъ; но всегда должна была скрывать свои слезы, и отъ насъ и отъ него. Никогда никуда онъ съ нею не ходилъ, она и упомянуть не посмѣла бы, чтобъ онъ ее куда-либо повелъ. Не терпѣлъ, чтобы она вмѣшивалась въ его торговлю, въ его дѣла. Одинъ разъ она ему осмѣлилась сказать:

— Митре, отчего не отдашь Стояну ракію-водку? Скоро уже и новая будетъ, куда тогда старую дѣнешь?

Онъ какъ крикнетъ на нее:

— Ты голодна, или чего тебѣ не хватаетъ? Деньги въ твоихъ рукахъ; если ихъ не станетъ, скажи мнѣ! А въ дѣла мои не вмѣшивайся.

Огорчилась моя майка, но смолчала. Съ посторонними людьми тоже мало разговаривалъ. Въ кофейнѣ была у него своя компанія, но и среди нея рѣдко когда какое слово скажетъ. Кума Илью всегда очень щедро угощалъ: и то былъ единственный человѣкъ, котораго онъ побаивался, и тотъ смѣло говорилъ отцу все, что хотѣлъ.

Насъ, дѣтей, такъ же, какъ и нашу майку, отецъ, конечно, любилъ, это было видно, но держалъ насъ, дѣтей, очень строго. Я не запомню отъ него никогда никакой ласки, нѣжности. Правда, по ночамъ онъ укрывалъ насъ, когда мы раскроемся, не позволялъ намъ воду носить изъ колодца или лазить на шелковицу, но что намъ было отъ того? И другіе отцы поступали также, но зато они покупали своимъ дѣтямъ и сладкую пастилу, и золотую бумагу, и резиновые мячики, которые прыгали выше яблони!

Въ церковь отецъ ходилъ только въ Юрьевъ день, а въ кофейню ежедневно. Какъ вечеръ, такъ онъ чубукъ подъ лѣвую руку, подъ поясъ продѣнетъ кисетъ,—и гайда въ кофейню. Это донимало и мою бѣдную майку и сестру; я же еще ничего не понималъ въ ихъ тревогѣ. Никогда ни

мать ни сестра не ложились, пока отецъ не воротится, хоть бы и до разсвѣта приходилось ждать. Сидѣли на кровати, не смѣя и свѣчи зажечь. Очень онъ сердился, когда заставалъ ихъ съ огнемъ такъ поздно. Я самъ одну ночь слышалъ, какъ онъ вошелъ въ хату и сталъ выговаривать:

— Чего свѣча горитъ въ такую пору?

— Чтобъ тебѣ свѣтло было, Митро,— отвѣчаетъ моя мать.

— Что жъ, я развѣ свѣчи не сумѣю себѣ зажечь, или я пьянъ такъ, что и свѣчи не найду?

— Да нѣтъ же, Митре,—увѣряетъ моя мать,— я только говорю.

— А что ты тамъ говоришь? Вѣрно хочешь, чтобы мои сосѣди думали, что у меня покойникъ лежитъ въ хатѣ

Какой покойникъ? Вы думаете, что онъ серьезно говорилъ? Заботился онъ очень о сосѣдяхъ! Онъ не допускалъ и мысли, чтобы мать водила съ сосѣдями разговоры о его ласкѣ или гнѣвѣ. И теперь отъ гнѣва не зналъ, какъ и что сказать. Хотѣлъ бы, чтобы мать спала, хотя бы ей и не спалось, чтобы могъ онъ беззаботно пировать. Мучило это его, видно было.

Пилъ онъ очень мало, да и то только вино. Водку—даже, когда покупалъ ее и пробовалъ,— сейчасъ же, скривившись, сплевывалъ. Кофе тоже не особенно любилъ... Тогда, что же онъ дѣлалъ по цѣлымъ ночамъ въ кофейняхъ, спросите вы у меня. Въ томъ-то и несчастье! Если бы

онъ пилъ, мы бы съ этимъ мирились, не горевали бы. А онъ... да вотъ слушайте!

Это моей матери наполовину жизнь укоротило. Какъ она плакала, рыдала! И никому не жаловалась.

Одинъ разъ вернулся онъ домой тоже очень поздно. Ну, ничего. Съ утра тоже — ничего, какъ вдругъ мой братъ показываетъ матери, что у отца нѣтъ часовъ! Рѣшилась бѣдная женщина, спрашиваетъ его:

— А гдѣ твои часы, Митре?

Онъ насупился, глядитъ въ сторону и говоритъ:

— Отправилъ ихъ въ Бѣлградъ, въ починку.

— Они же у тебя хорошо шли, Митре.

— Но я же не слѣпой и не сумасшедшій: кажется, я знаю, когда часы идутъ и когда не идутъ!

Ну, что было матери дѣлать? Умолкла.

Плакала потомъ съ моей сестрой и говорила:

— Охъ, тяжко мнѣ! Переведетъ онъ все, что есть: придется подъ старость чужія рубахи стирать!

Другой разъ тоже — было ли уже десять часовъ или нѣтъ — идетъ онъ изъ кофейни. Накинулъ онъ астраханскую (барашковую) шубку, на груди золотая цѣпь съ толстыми звеньями, за поясомъ серебряный пистолетъ, весь оправленный золотомъ и дорогими каменьями. Какъ вошелъ, видимъ мы, собрались у него морщинки у лѣваго глаза. Значитъ что-нибудь хорошее скажетъ. Чуть переступилъ, вынимаетъ часы изъ-за

пояса, и какъ-то медленно смотритъ, который на нихъ часъ.

— Уже вернулись? — слышится вопросъ. — Уже тебѣ починили часы?

— Починили!—отвѣчаетъ отецъ.

— А что это у тебя за цѣпочка?

— Цѣпочка, какъ цѣпочка,—говоритъ отецъ, ужъ не порвется, прочная!

— Вижу,—говоритъ моя майка,—а откуда она у тебя?

— Купилъ!

— А эта шуба? У казначея Миче такая же.

— Купилъ и шубу.

— Онъ тебѣ продалъ?

— Ну, а то какъ же?—Но при этихъ словахъ отецъ мой глядѣлъ куда-то мимо глазъ своей жены. Она умолкла.

Сталъ онъ раздѣваться. Мы смотримъ изъ-подъ одѣяла. Вынимаетъ онъ изъ пояса одинъ свертокъ, такъ съ кулакъ величиной; кинулъ его на столъ,—онъ такъ и зазвенѣлъ: полно въ немъ дукатовъ, братъ ты мой!

— На!—говоритъ,—спрячь это!—И вышелъ въ кухню.

Моя майка взяла этотъ свертокъ двумя пальцами, такъ, какъ будто то была грязная, запачканная дѣтская пеленка.

— Что мнѣ дѣлать съ этими деньгами?—говоритъ она моей сестрѣ. — То проклятыя деньги. Онѣ отъ дьявола!.. Онъ ихъ такъ же легко отниметъ, какъ и далъ ихъ!

Какъ видите, не было ни счастья, ни жизни

моей майкѣ. Такъ она страдала, а глядя на нее, и мы себя чувствовали несчастными.

А когда-то, прежде, разсказывала мнѣ майка, онъ былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Да мнѣ и самому помнится, какъ въ туманѣ, какъ онъ часто держалъ меня на колѣняхъ, когда я былъ еще совсѣмъ маленькимъ; помню, какъ онъ мнѣ дѣлалъ дудки-свирѣли изъ куста чернаго самбука; какъ онъ возилъ меня на возу на лугъ. Но какъ началъ дружить съ казначеемъ Мичемъ да съ Христиномъ съ Макевиной улицы, Олбректомъ аптекаремъ, и еще съ другими имъ подобными,—все перевернулось, говоритъ моя мать, и все пошло не такъ, какъ слѣдовало. Буду однако разсказывать по порядку.

Не терпѣлъ отецъ никакихъ разспросовъ, сейчасъ одинъ отвѣтъ: „Смотри свои дѣла!“ или: „Нѣтъ у тебя иныхъ заботъ?“

Безполезно было и говорить ему что-либо: онъ самъ видѣлъ, что поступалъ недостойно, но его захватилъ въ свои руки тотъ, отъ кого огради насъ Господь, и не выпускалъ.

И все же, хоть это и странно сказать, но все же онъ былъ хорошій человѣкъ, ей Богу, хорошій. Но такъ ужъ...

Однажды вернулся онъ поздновато домой, и не одинъ. Удивилась моя мать. Прошелъ онъ съ кѣмъ-то въ ворота, говорятъ потихоньку. Прошли во дворъ. Слышимъ мы вслѣдъ затѣмъ топотъ конскій и ржанье. Не знаемъ, что тамъ такое? Когда онъ вошелъ въ хату, я принялся храпѣть, сестра моя тоже притворилась, что спитъ. Сказалъ: „Добрый вечеръ!“ — и замолчалъ. Онъ

молчитъ, молчитъ и моя майка, а я жду—что-то будетъ!

Вотъ моя мать заговорила, и голосъ ея еле слышно.

— Утромъ отведешь?

— Отведу!—говоритъ отецъ.

Опять замолчали; только слышу, сморкается мать; слышно, какъ она плачетъ.

— Митре, ради Бога, ради дѣтей нашихъ, оставь, милый, эту дружбу съ дьяволомъ. Кто ее ведетъ, тотъ и на этомъ свѣтѣ и на томъ себя губитъ. Смотри на карточнаго игрока Іова! Какой былъ хозяинъ, а впалъ въ такую бѣдность, что носилъ чужія шапки и скупалъ для еврея кожи по селамъ. Развѣ тебѣ, ей Богу, хочется подъ старость лѣтъ ѣсть чужую корку хлѣба, или хочешь ты, чтобы наши дѣти по чужимъ людямъ служили?—И она начала рыдать.

— Ну, съ чего ты начала меня дѣтями заклинать, заживо меня оплакивать? Чего ты каждый разъ плачешь? Я не сошелъ еще съ ума, никого и самъ не сводилъ. Завтра, если хочешь, десять такихъ жеребцовъ куплю!

Моя мать еще продолжаетъ плакать, но слабѣе.

— Знаю я это, Митре, милый,—говоритъ она уже ласковѣе,—а хочешь, я все хозяину душмана отнесу. Брось это все, родной: вѣдь все наше горе въ этихъ проклятыхъ картахъ. Ты же самъ знаешь, что мы своимъ горбомъ, своей спиною, своимъ кровавымъ потомъ добыли себѣ эту крышу надъ головой; такъ развѣ мнѣ легко терпѣть,

чтобы меня какіе-нибудь обжоры изъ моего роднаго ўгла гнали?

— Ну, кто же тебя гонитъ?

— Еще никто не гонитъ, но выгонятъ, если все такъ и далѣе будетъ итти. Ужъ эта забава самимъ Богомъ проклята.

— Ну, я сколько разъ тебѣ говорилъ, чтобы ты въ мои дѣла не мѣшалась и не ревѣла бы безъ нужды. У меня еще черной копотью не засыпанъ разумъ, чтобы мнѣ жена опекуномъ стала!

Замолкла моя гордая мать. Переборола себя. Ни слезинки больше не проронила, но плакала она внутренно, и слезы падали на ея сердце и заливали.

Дни шли за днями, а отецъ велъ себя попрежнему. Приносилъ часто полные карманы пояса денегъ. Но часто и проигрывалъ немало. Приходилъ безъ колецъ, безъ часовъ, безъ золотого пояса. Другой разъ приносилъ по двое и по трое часовъ и по нѣскольку перстней, иной разъ сапоги, шубу, а то и конское сѣдло, дюжину серебряныхъ ложекъ, одинъ разъ полный боченокъ ликеру, и всякихъ другихъ лакомствъ; а то привелъ вороного коня, совсѣмъ, какъ нашъ.

На другой день купилъ ему новый хомутъ: висятъ отъ него ремни ниже колѣнъ, а бахрома бьетъ коня по челюстямъ. Запрягли коня въ повозку, какъ выѣхалъ изъ воротъ, такъ черезъ весь городъ трррр! ажъ мостовую изъ-подъ ногъ вырываетъ.

Мы уже и привыкли даже; ну, а мать все плакала и тревожилась. Да, какъ ей было не горе-

вать? Скотина совсѣмъ запущена, слуги одинъ за другимъ разсчитываются. Все идетъ, какъ въ несчастной хатѣ, а деньги растрачиваются, какъ песокъ. А тутъ ужъ начали, ей Богу, и къ намъ въ хату пролѣзать эти пропойцы. Запрутся всѣ въ комнату, зажгутъ по нѣскольку свѣчей, звенятъ дукаты, табакъ курятъ, карты скользятъ по столу, а нашъ слуга Стоянъ, не переставая, варитъ имъ кофе. На другой день покажетъ отецъ, сколько тамъ дукатовъ, проигранныхъ ему этими пьяницами. А наша мать, пока они играютъ, сидитъ съ нами въ другой комнатѣ; глаза у нея красные, лицо блѣдное, руки исхудалыя и она все повторяетъ: „Господи, будь намъ заступникомъ!“

Мало-по-малу отецъ совсѣмъ отъ дома отбился. Онъ все молчалъ и матери никогда въ глаза не глядѣлъ. Насъ дѣтей не ласкалъ да и не говорилъ намъ ни сердитыхъ, ни добрыхъ рѣчей. Все уходитъ изъ хаты. Даетъ намъ монетокъ, сколько захотимъ. Если мы чего накупимъ себѣ на мелкую монету, онъ придумаетъ намъ еще на цѣлый цванцигеръ. Въ пищу намъ отецъ закупалъ все, что было въ городѣ наилучшаго. Моя верхняя одежда во всей школѣ была самая красивая. Но, несмотря на все это, тяжело мнѣ было смотрѣть на мать и на сестру: онѣ съ горя постарѣли, поблѣднѣли, были всегда серьезны, грустны. Никогда не ходили ни въ церковь, ни на какіе пиры. Да и къ намъ мало кто приходилъ, одни лишь эти люди, которыхъ моя мать называла бродягами да пьяницами. Лавку закроетъ, и готово! „Что я долженъ мужикамъ иногда отвѣщивать „паръ?“ Развѣ я еврей?“—Мать не смѣ-

ла уже ни въ чемъ ему противорѣчить. Одинъ разъ отецъ ей даже такъ сказалъ:

— Если ты не глуха, и сербскій языкъ понимаешь, такъ слушай, что я тебѣ скажу: если ты мнѣ хоть одинъ разъ еще будешь противорѣчить, я найду себѣ другую „кучу“ (хату), тамъ и буду жить; а ты тогда жалуйся кому хочешь! За-помни это хорошенько!

Замолкла она, сирота—слышу—плачетъ. Сдавила она свое сердце, чахла со дня на день и все Богу молилась. „Господи, Боже, не оставь меня!“

Ну, да вотъ увидите, что изо всего этого вышло.

Сошлись они однажды вечеромъ. Пришелъ съ ними какой-то Перо Зеленбачъ, какой-то торговецъ свининою, который, какъ онъ говорилъ, „велъ торговлю съ Пештомъ“. Усы у него были заостренные, волосы сзади съ проборомъ, лицо жирное, въ тѣлѣ круглый, на головѣ носилъ какую-то шляпу, а черезъ грудь висѣла золотая цѣпь, совершенно такая же, какую прежде мы у отца видѣли. На рукахъ у него перстни — то ли со стеклами, то ли съ каменьями, нельзя было разсмотрѣть. Ходилъ онъ медленно, говорилъ хрипло и не скоро и все посмѣивался своими маленькими, злыми зелеными глазами; отъ нихъ дѣлалось страшно, какъ отъ взгляда совы.

Такъ вотъ они и пришли. Стояну сейчасъ приказали развести огонь и варить кофе. Зажгли четыре свѣчи. Дымъ изъ чубуковъ повалилъ, какъ изъ трубы. Пьютъ кофе, молчатъ, какъ турки, только и слышно, какъ скользятъ карты да звенятъ дукаты.

Страшная то была ночь!

Мы съ майкой заперлись въ другой комнатѣ. Мать уже не плакала, сестра тоже. Лица у нихъ осунулись,глаза запали, и стоялъ въ нихъ страхъ безмѣрный. Очень похоже было, какъ въ тотъ день, когда мой дѣдъ умеръ.

Нѣсколько разъ отецъ входилъ въ нашу комнату. Потъ съ него катился градомъ, кафтанъ на немъ разорвался, рубашка растегнулась и выступала грудь, поросшая длинными черными волосами.

Насупился, какъ турчинъ:

— Давай еще!—приказываетъ моей майкѣ.

Сдавило ей сердце. Молчитъ, какъ каменная, открываетъ ящикъ, сыплетъ ему деньги пригоршнею, а онъ ихъ пересыпаетъ въ платокъ. Оглядывается неувѣренно, а ногами такъ перебираетъ, какъ я, когда меня товарищи въ полѣ ожидаютъ, а я стою и жду, пока сестра мнѣ хлѣба отрѣжетъ. Взялъ онъ деньги, голову склонилъ на бокъ и, уходя, пробормоталъ какъ бы про себя. „Еще только это!“ и почти выбѣжалъ изъ комнаты. Но разъ пять приходилъ онъ въ нашу комнату, говоря „еще только это“, послѣдній разъ около трехъ часовъ ночи.

— Дай!—приказываетъ онъ моей майкѣ,—а лицо у него, какъ земля, сѣрое.

Мать пошла къ ящику, а ноги ея дрожатъ и вся она дрожитъ. И видѣлъ я тогда изъ-подъ своего одѣяла, какъ мой отецъ, такой сильный и большой, дрожалъ и ухватился рукою за печь.

— Скорѣй!—приказываетъ онъ матери, съ ноги

на ногу переступаетъ и рукавомъ свой потъ вытираетъ.

Мать даетъ ему.—Давай все!—говоритъ онъ.—Послѣдніе десять дукатовъ!—отвѣчаетъ она. Но слышится не ея голосъ, а какой-то шопотъ, глухой, сдавленный. Отецъ схватилъ эти деньги и выбѣжалъ изъ комнаты.

Мать моя опустилась безъ силъ около ящика и потеряла сознаніе. Сестра закричала, я вскочилъ съ кровати; соскочилъ и Джокица. Сѣли кругомъ майки на полу, цѣловали ея руки, повторяли: „Мама наша, мама". Она очнулась, положила руку на мою голову и все что-то шептала. Потомъ встала, зажгла свѣчу, затеплила лампадку передъ св. Юріемъ.

— Идите, дѣтки, молитесь Богу, чтобы защитилъ васъ отъ бѣды!—заговорила моя майка, и голосъ ея звенѣлъ, какъ колоколъ, а глаза свѣтились, какъ звѣзды вечернія на небѣ.

Мы всѣ собрались у иконы, всѣ стали на колѣни, а Джокица всталъ передъ майкою, повернулся къ ней лицомъ, крестился и вслухъ читалъ, бѣдненькій, ту половину „Отче нашъ", которую уже выучилъ. Потомъ опять перекрестился и поцѣловалъ мать въ руку, и снова уставился на мать. Изъ ея глазъ выступили двѣ слезинки. Она смотрѣла наверхъ и на святого: тамъ былъ ея Богъ, она Его видѣла, а Онъ видѣлъ ея душу. И по лицу ея разлилось выраженіе блаженства; оно стало свѣтлое, и мнѣ казалось, что Богъ насъ благословляетъ рукою и что св. Юрій намъ улыбается, а драконъ подъ его конемъ уже испустилъ послѣдній вздохъ. У меня въ глазахъ

заблестѣло, и я упалъ ницъ на край маминой одежи и на ея лѣвую руку, которою она меня и поддержала, а я повторялъ сотни разъ: „Боже, Ты видишь мою майку! Боже, молюсь тебѣ объ отцѣ моемъ“. А потомъ, и самъ не знаю съ чего, вдругъ я сказалъ: „Боже, убей того Зеленбача!“

И долго мы всѣ молились.

Потомъ моя мать встала, поднялась на стулъ и поцѣловала св. Юрія. И моя сестра сдѣлала тоже, а потомъ подняла меня и Джокицу, и мы цѣловали святого. Затѣмъ мама взяла сухой василекъ, что стоялъ у иконы и склянку со святой водой, что висѣла подъ иконою, помочила цвѣтокъ въ водѣ, и, шепча какія-то неясныя слова, перекрестила и покропила комнату. Потомъ открыла тихонько двери, на цыпочкахъ подошла къ большой комнатѣ и перекрестила василечкомъ ея двери.

Ахъ, какъ мнѣ стало тогда легко на сердцѣ, какъ я себя хорошо чувствовалъ, точно выкупался въ чистой водѣ! И отчего я теперь никогда не испытываю такого чувства?

Только что мать успѣла перекрестить дверь въ большую комнату, какъ оттуда послышался громкій говоръ; нельзя было разобрать, о чемъ спорили, только ясно прозвучалъ нѣсколько разъ окрикъ Зеленбача:

— А кто можетъ меня заставить еще играть? Кто?

Послѣ этихъ словъ опять послышался смутный говоръ, споръ; слышимъ мы, двери отворились, шаги, шумъ... Но нашъ отецъ не вошелъ

въ нашу комнату. Долго мы его ждали! И утро забѣлѣло, и Джокица и я заснули,—а онъ все не входилъ.

II.

Когда я проснулся, солнце уже поднялось высоко. Я чувствовалъ страшную усталость и тоску, но уже не могъ больше спать. Поднялся. Все кругомъ имѣло хотя и обычный видъ, но на всемъ лежала печать печали. На дворѣ все тихо; свѣжій воздухъ и свѣтъ дня проходили въ отворенное окно, а передъ иконой еще мерцалъ въ лампадѣ огонекъ. Моя мать и сестра были блѣдны, какъ мѣлъ; глаза заплаканные, лица, какъ восковыя, ломаютъ руки, ходятъ на цыпочкахъ и ничего не говорятъ, только все шепчутъ какія-то молитвы. Не приносятъ намъ завтрака, не спрашиваютъ насъ, хотимъ ли мы ѣсть, не посылаетъ меня мать въ школу!

— Что же случилось?—спрашиваю я самъ себя.—Нѣтъ ли въ домѣ покойника, или мой дѣдъ вернулся и надо его снова хоронить?

Но тутъ я вспомнилъ все, что происходило ночью, вздрогнулъ отъ ужаса и механически прошепталъ: „Боже, знаешь ты про отца?“ И снова: „Боже, убей этого Зеленбача!“

Не думая ни о чемъ, всталъ я и вышелъ. И по привычкѣ пошелъ къ дверямъ большой комнаты. Сразу я вздрогнулъ, неожиданно мать схватила меня за руку. Я обернулся, но она ничего не говорила и даже палецъ на губу положила; она довела меня до выходныхъ дверей и

выпустила меня, сама же вернулась назадъ въ комнату, а я остался въ дверяхъ. Посмотрѣлъ ей вслѣдъ,—не зная, что думать.

Потомъ на цыпочкахъ вернулся я къ дверямъ большой комнаты и заглянулъ въ дверную скважину. Глянулъ и вижу: посреди комнаты столъ. Около него раздвинуты стулья, два или три лежатъ опрокинутые. На полу валяются тысячи картъ, раскуренныя и незакуренныя папиросы, разбитая чашка кофе, и изъ-подъ одной карты торчитъ дукатъ. Скатерть на столѣ съ одной стороны свѣсилась почти до половины. По ней раскиданы карты, разбросанныя чашки полны пепла, табаку. Стояло нѣсколько пустыхъ тарелокъ, на одну изъ нихъ былъ вытрясенъ весь пепелъ изъ трубки. Четыре пустыхъ подсвѣчника, въ одномъ изъ нихъ еще тлѣла толстая бумага, въ которую была обернута свѣчка, и черный дымъ поднимался и стлался по полу. На одномъ изъ стульевъ у стола сидѣлъ мой отецъ лицомъ къ дверямъ. Обѣ руки локтями опирались о столъ, а на рукахъ неподвижно лежалъ его лобъ.

Я такъ долго глядѣлъ, но онъ и не пошевельнулся. Я видѣлъ, какъ медленно и глубоко поднималась его грудь. Онъ погруженъ былъ въ мрачныя мысли. Мнѣ начинало казаться,—и самъ бы я не могъ сказать почему,—что онъ мертвъ, хотя я удивлялся въ то же время, какъ можетъ мертвецъ дышать. Потомъ стало казаться, что эта сильная рука отца теперь бумажная, и онъ не можетъ ею больше ударить. И все такое странное лѣзло мнѣ въ голову...

Богъ знаетъ, сколько времени я бы такъ простоялъ; но ко мнѣ прикоснулась рука матери. Не говоря ни слова, одними молящими глазами она указала мнѣ на выходную дверь. И я сразу, самъ не знаю почему, скинулъ шапку, поцѣловалъ ей руку и вышелъ на дворъ.

День былъ субботній. Когда я вышелъ на улицу, все тамъ было, какъ всегда: всякій свое дѣло дѣлалъ. Богатые селяне везли кое-что на базаръ. Лавочники забирали ихъ товаръ въ мѣшки и щупали молодыхъ ягнятъ. Новый блюститель порядка всѣхъ обходилъ и приказывалъ, гдѣ ставить возы. Дѣти крали черешни. Счастливый писецъ шелъ съ барабанщикомъ по городу и читалъ во всеуслышаніе, что запрещается выпускать свиней на улицу. Тривко выгонялъ ягнятъ и приговаривалъ: „Ну, скорѣй иди!“ а пьяный Іозе игралъ съ козочкой.

— А что это ваша лавка до сихъ поръ закрыта?— почтительно спросилъ меня Игнатъ скорнякъ, проходя мимо меня.

— Такъ!—отвѣчалъ я.

— Не боленъ ли Митаръ?

— Нѣтъ,—сказалъ я.

— Уѣхалъ куда-нибудь?

— Въ село,—сказалъ я и побѣжалъ по улицѣ. Увидѣлъ сразу двухъ „дружковъ“, моихъ товарищей по школѣ, которыхъ господинъ учитель послалъ узнать, почему я не пришелъ въ школу?

Разъ ужъ я ихъ встрѣтилъ, приходилось итти въ школу. Взялъ книги, кусокъ хлѣба; увидѣлъ майку мою, съ „дружками“ говоритъ:

— Скажите, дѣти, господину учителю, что Миша не могъ раньше притти; послѣ ему объясню.

О, эта рука матери! Какъ же я вдосталь расцѣлую ее, когда она будетъ спать и не видѣть меня...

Что происходило у насъ дома, пока я былъ въ школѣ, не знаю... Нѣтъ, знаю, ибо, когда я вернулся изъ школы, все было попрежнему: мать и сестра сидѣли, сложивъ на груди руки, обѣдъ не варился. Прохожу на цыпочкахъ мимо большой комнаты, и все мнѣ напоминаетъ тѣ дни, когда дѣдушка умеръ. Джокица на дворѣ возится съ кошкой, тянетъ ее за хвостъ и радуется, что она визжитъ. Слуги-парни шьютъ верхнюю одежду въ своей комнатѣ, а Стоянъ развалился на сѣнѣ и храпитъ, какъ ночью.

А отецъ сидитъ, какъ и сидѣлъ, не двинувшись. На спинѣ балахонъ его стянулся, а около пояса распустился отъ глубокихъ вздоховъ.

Уже давно къ вечернѣ отзвонили. День клонился къ концу, а въ нашей душѣ чернѣла та же пропасть, и краю ей не было видно, и все сгущалась тоска. Становилось все невыносимѣе, все страшнѣе и отчаяннѣе.

— Боже, настави насъ на добро!

Я сидѣлъ на порогѣ передъ домомъ. Держалъ въ рукѣ какую-то школьную книжку, но не читалъ ее. Видѣлъ въ окно блѣдное лицо моей матери, склонившееся на исхудалую руку. Въ ушахъ у меня шумѣло. Не могъ ни о чемъ думать.

Вдругъ щелкнулъ замокъ. Я вздрогнулъ. Майки уже нѣтъ у окна.

Дверь изъ большой комнаты открылась. На порогѣ стоялъ онъ, мой отецъ.

феска немного сдвинулась, такъ что изъ-подъ нея выбились волосы и спадали на его высокій лобъ. Усы опустились, лицо потемнѣло и постарѣло. Но глаза, глаза! Ничѣмъ не походили они на прежніе. Они какъ-то совсѣмъ потускнѣли, ушли глубоко подъ лобъ, до половины закрыты были рѣсницами; они медленно вращались и смотрѣли безсмысленно; въ нихъ не было ни мысли, ни угрозы,—никакого выраженія. Они были точно пустые, точно разбитыя стекла телескопа. На лицѣ его была какая-то грустная и добрая усмѣшка, какой раньше никогда не бывало. Совсѣмъ такимъ былъ мой дѣдъ, когда передъ смертью ожидалъ причастія.

Медленно перешелъ сѣни, открылъ двери нашей комнаты, просунулъ туда голову, но, ничего не сказавъ, быстро повернулся, закрылъ двери, вышелъ на улицу и легкой поступью направился къ дому своего кума Ильи.

Разсказывалъ мнѣ потомъ Ѳома, сынъ кума Ильи, что мой отецъ заперся съ нимъ въ одной комнатѣ, гдѣ они долго разговаривали, что имъ туда принесли бумагу и чернила, они что-то написали, приложили къ тому печать и т. д. Но что именно тамъ говорилось и писалось, того не зналъ Ѳома или притворялся, что не знаетъ.

Около половины десятаго мы всѣ, дѣти, лежали въ постелькахъ, одна мать еще сидѣла, скрестивъ руки на груди и безнадежно вглядываясь

въ свѣчу. Въ эту минуту скрипнули ворота во дворъ. Мать быстро задула свѣчку и сама легла въ кровать. У меня подъ одѣяломъ такъ билось сердце, точно молоткомъ стучало въ грудь.

Дверь отворилась, и вошелъ мой отецъ. Прошелся раза два по комнатѣ; потомъ, не зажигая свѣчи, легъ на кровать и лежалъ. Долго я слышалъ, какъ онъ ворочался на кровати, затѣмъ я и самъ заснулъ.

Не знаю, сколько времени я спалъ, когда меня разбудило ощущеніе чего-то мокраго на лицѣ. Я раскрылъ глаза: полный мѣсяцъ свѣтилъ въ комнату, и его расплывчатый лучъ падалъ прямо на лицо моей матери. Глаза ея были закрыты, лицо страдальческое, какъ у тяжело больной, и грудь ея порывисто поднималась. А надъ ней стоялъ мой отецъ. Упорно смотрѣлъ на нее и не шевелился.

Спустя нѣкоторое время подошелъ и къ нашимъ кроватямъ. Смотрѣлъ на насъ, на мою сестру. Опять отошелъ на середину комнаты и прошепталъ:

— Спятъ! —и самъ вздрогнулъ отъ своего шопота и снова неподвижно стоялъ на серединѣ комнаты. Долго такъ стоялъ неподвижно, поглядывая то на насъ, то на мать. А мы всѣ лежали, не дрогнувъ и ухомъ. Наконецъ, не отрывая отъ насъ глазъ, онъ бокомъ, на цыпочкахъ подошелъ къ гвоздю, осторожно снялъ съ него серебряный пистолетъ, спряталъ его подъ свой плащъ, надвинулъ феску на глаза и быстро, уже ступая всей ногою, вышелъ на дворъ.

Но чуть закрылись за нимъ двери, мать моя

соскочила съ кровати. За нею поднялась и сестра. Какъ духи какіе-то!

Мать быстро встала и осторожно пошла къ двери, за нею бросилась и сестра.

— Останься съ дѣтьми!— прошептала ей мать и вышла на дворъ.

Я вскочилъ и тоже прошмыгнулъ въ двери. Сестра хотѣла меня поймать за руку, но я вырвался и сказалъ ей:

— Оставайся при дѣтяхъ!

Выйдя во дворъ, я перескочилъ черезъ заборъ, а изъ-за забора, изъ-подъ вишни, я подползъ къ колодцу и изъ-за него все слышалъ.

Ночь была божественно прекрасна. Небо сіяло отъ звѣздъ, мѣсяцъ блестѣлъ, воздухъ былъ чистый, свѣжій, нигдѣ ничто не шелохнется. Тутъ я увидѣлъ отца. Онъ смотрѣлъ въ окно комнаты, гдѣ жила прислуга; затѣмъ онъ пошелъ дальше. Онъ остановился подъ навѣсомъ амбара и сталъ вытаскивать свой пистолетъ.

Но въ эту же минуту, не знаю откуда, около него очутилась мать. Отшатнулся онъ отъ нея, упорно посмотрѣлъ и все не спускалъ глазъ.

— Митре, милый мой, хозяинъ мой, что это ты надумалъ дѣлать?

Мой отецъ вздрогнулъ. Стоялъ прямо, какъ свѣча, растеряннымъ взглядомъ смотрѣлъ на мою майку, и голосъ его звучалъ, какъ разбитый колоколъ.

— Иди, Марица, оставь меня... Я уже погибъ.

— Какъ такъ погибъ, хозяинъ мой, Богъ съ тобою, что ты говоришь?

— Я все спустилъ! — сказалъ онъ и развелъ руками.

— Но какъ же это, милый, ты рѣшился на такое безумiе!

Мой отецъ отступилъ на шагъ и снова взглянулъ на мать.

— Все, все спустилъ!—сказалъ онъ:—все, все! И коня!

— Кобылу!—сказала мать.

— И лугъ тоже.

— Мы давно на немъ не хозяйничали.

Отецъ приблизился къ матери. Онъ смотрѣлъ ей въ глаза, точно насквозь видѣть хотѣлъ. Но мать не смутилась, и казалась она въ эту минуту святой.

— И домъ тоже!— сказалъ отецъ, не спуская съ нее глазъ.

— Что все это!—сказала моя мать;—лишь бы ты былъ живъ и здоровъ.

— Марица!

— Митре!

— Что ты говоришь, Марица?

— Говорю; пусть Богъ благословитъ тебя и нашихъ дѣтей. Не домъ и не лугъ насъ хранили, а ты, нашъ заступникъ. Не будемъ никто изъ насъ голодный, пока ты съ нами.

Отецъ какъ будто даже разсердился немного, но потомъ оперся локтемъ на плечо моей майки.

— Марица!—началъ онъ:—что ты?

Отвернулся, закрылъ глаза рукавомъ и замолчалъ.

Мать схватила его за руку:

— Когда мы съ тобой женились, ничего у

насъ не было, одна сковородка, да одинъ мѣдный тазъ, да два-три корыта, а теперь, слава Богу, у насъ полный домъ добра.

Я видѣлъ какъ по лицу отца потекли слезы.

— Развѣ ты забылъ, что нашъ чердакъ полонъ чернильныхъ орѣховъ?

— Да, полонъ!—сказалъ отецъ голосомъ мягкимъ, какъ шелкъ, рукавомъ вытеръ глаза и опустилъ руки.

— А зачѣмъ будутъ лежать мои дукаты, ожерелье, на что деньги будутъ даромъ лежать? Возьми ихъ въ торговлю!

— Накуплю жита.

— Ну, а мы, развѣ мы такіе старые люди? Слава Богу, у насъ здоровья хватитъ, дѣти наши тоже здоровы. Будемъ Богу молиться, чтобъ помогъ намъ.

— Какъ честнымъ людямъ!

— Ты вѣдь не лѣнтяй, какъ другіе люди. Я не промѣняю твои руки за весь капиталъ Переносова, хоть онъ у него и очень большой.

— И опять наживемъ полный домъ! Дѣтей выведемъ на добрый путь! Чтобы не кляли меня, какъ умру... Какъ я ихъ давно не видалъ!

— Пойдемъ и увидишь ихъ!— сказала мать, и какъ ребенка повела отца за руку.

Я въ три прыжка былъ уже дома. Только успѣлъ сестрѣ прошептать: „Идутъ!“ и натянулъ на голову одѣяло. Чуть они оба переступили порогъ комнаты, въ церкви зазвонили къ заутрени. Громко разносился въ ночной тишинѣ этотъ звонъ и отзывался глубоко въ душахъ христіанскихъ. И какъ волной морской относятся су-

хія вѣтки, такъ этотъ звукъ уносилъ тоску и страданье, приносилъ покой и тишину, и измученная душа открывалась небу.

— Сынъ мой, встань, пойдемъ въ церковь!

Когда я въ прошломъ году ходилъ въ Бѣлградъ, видѣлъ я Перу Зеленбача въ арестантскомъ халатѣ: онъ кололъ камни для мостовой!

И. ЧИПИКО.

Въ поискахъ заработка.

Наступали раннія сумерки, когда пароходъ пристalъ къ дамбѣ, вытянувшейся въ море и служившей пристанью для большихъ судовъ.

Первыми сошли городскіе рабочіе, а за ними вышли и загорцы. Толкались, каждый впередъ порывался, не хотѣли сходить въ порядкѣ одинъ за другимъ. Были между ними и старые и молодые, и мужчины и женщины, съ трубкой въ зубахъ и безъ трубки. Невеселы были и озабочены. Одни сходили, другіе еще оставались на пароходѣ, поджидали своихъ товарищей, чтобы вмѣстѣ одной дорогой итти въ городъ. Съ первыхъ шаговъ натыкались на таможенныхъ стражниковъ, которые ихъ обыскивали раздѣвъ догола. Особенно долго останавливались таможенные около молодыхъ дѣвушекъ и обыскивали ихъ строже, издѣваясь надъ ихъ дѣвической стыдливостью. Въ городѣ загорцы раздѣлились: одни направились прямо къ прошлогоднимъ хозяевамъ, другіе размѣстились на базарѣ передъ церковью, ожидая, пока ихъ наймутъ на сборъ маслинъ, на чистку маслинъ. Для этой работы они и пришли. По базару уже прохаживалось нѣсколько

молодыхъ господъ—сыновья мѣстныхъ купцовъ и землевладѣльцевъ. Одѣты они были въ теплую одежду, въ толстые зимніе плащи. Хотя большіе холода еще не наступили, но было холодно; была уже зима, и въ пору была и зимняя одежда и зимнія шапки. Хоть и не всѣ были такъ одѣты, но хорошо было тѣмъ, кто имѣлъ все зимнее. Кое-гдѣ, тутъ же на базарѣ, прислонившись къ стѣнѣ, стояли сельскіе парни. То смѣялись, то молчали; наконецъ, громко запѣли. Удивительно! Имъ не было холодно. Одѣты были легко, какъ лѣтомъ. Даже и не пожимались отъ холода.

Въ читальнѣ ставни не закрыты. Черезъ окна свѣтъ пробивается на улицу, освѣщаетъ дома на противоположной сторонѣ, захватываетъ въ свѣтлыя полосы головы нѣкоторыхъ загорцевъ. Откуда-то шла по базару старая женщина, зашла въ открытый „дучанъ"-лавку, съ купленнымъ хлѣбомъ въ рукѣ. Мѣсяца не видно, а городскіе фонари тускло горятъ, и свѣтъ полосами ложится на землю, чередуясь съ темными пятнами. Два молодыхъ горожанина вдругъ подошли къ загорцамъ. Приблизились къ одной изъ женщинъ. Одинъ изъ молодыхъ людей заговорилъ съ ней.

— Хочешь стать у меня на работу?—спросилъ онъ, безстыдно глядя ей прямо въ глаза.

Женщина покраснѣла, но отвѣтила:

— Почему нѣтъ... А нуженъ тебѣ еще кто?

— Не нужно мнѣ никого... Довольно и тебя одной! Ну, такъ согласна?

— Не знаю... спроси брата, вонъ онъ!—и показала рукой.

— На что ему твой братъ...—вмѣшались другіе и начали смѣяться.

— Какъ онъ захочетъ!—тихо сказала дѣвушка и посмотрѣла на своего брата. Онъ уже шелъ къ ней.

— Что такое?—спросилъ онъ сестру.

— Вонъ этотъ меня спрашивалъ, хочу ли я къ нему на работу.

— Можемъ, спасибо вамъ, можемъ оба поступить къ вамъ.

— Не нужно мнѣ другихъ. Только ее одну,— смѣясь говорилъ барчукъ-пустомеля.

Всѣ люди кругомъ не могли удержаться и смѣялись, какъ сумасшедшіе, отходили дальше и громко хохотали.

— Смѣются, что можешь несчастною быть,— сказалъ братъ сестрѣ.—Дикари!—закончилъ онъ и снова прислонился къ стѣнѣ.

Но упрямцы настаивали на своемъ. Чортъ имъ не давалъ покоя, и они издали оба вмѣстѣ еще разъ крикнули:

— Ну, что жъ, хочешь итти?

— Промахнулся дьяволъ: дѣвушка-то христіанка,—спокойно отозвался одинъ изъ загорцевъ.

— Убей влаха*) передъ церковными дверями,—сказалъ одинъ изъ парней, которые стояли, прислонившись къ стѣнѣ.

— А вачѣмъ?—съ сожалѣніемъ спросили другіе.

— Чтобы хлѣба намъ далъ! Я не задумался бы ихъ убить.

— Убить?.. Жаль бѣднягу!

*) Въ Сербіи заѣзжихъ людей зовутъ обыкновенно влахомъ, влахинкой, т.-е. пришедшими изъ Румыніи.

— Ну, возьми его себѣ, коли такъ жалѣешь его!—грубо отвѣчалъ первый.

— А на что онъ мнѣ. Я всегда мирно съ людьми уживаюсь. Нѣтъ во мнѣ злобы и гордости.

— Ну, и хорошо тебѣ!—сказалъ загорецъ и зажегъ трубку.

Людей на базарѣ становилось все меньше и меньше. Проходилъ какой-нибудь мужикъ и очень скоро исчезалъ. Пробѣжало нѣсколько запоздавшихъ дѣтей: они подскакивали съ какими-то стеклышками въ рукахъ и спѣшили домой; тамъ ихъ тревожно ожидаютъ, а они засмотрѣлись на пришлыхъ рабочихъ и забыли про своихъ и про свой домъ. Лавки уже закрывались. Наконецъ, и изъ читальни вышли запоздавшіе читатели. Подняли до самыхъ ушей воротники своихъ пальто. Задняя партія рабочихъ несмѣло спросила у нихъ, нѣтъ ли работы? Поговоривъ между собою, всѣ разошлись, каждый въ свою сторону.

Наступила ночь. Холодный вѣтеръ дулъ и завывалъ между домами. Все живое попряталось; люди ужинали и собирались спать.

Загорцы пріютились подъ стѣною и замолкли; они выжидали, что кто-нибудь подойдетъ нанимать ихъ; или посчастливится имъ, пройдетъ добрый человѣкъ и предложитъ имъ ночлегъ у себя и пріютитъ ихъ всѣхъ до утра. Но нигдѣ не слышно было даже человѣческаго голоса. Плохо имъ приходилось; они всѣ столпились, чтобы обсудить, какъ имъ быть: тутъ ли оставаться до утра, или продолжать путь до ближайшаго города.

— Останемся,—сказалъ кто-то изъ мужчинъ.

— А останемся, такъ и завтрашній день потеряемъ.

— Что же дѣлать? Можетъ, къ разсвѣту насъ кто и позоветъ.

— Знаю я это... Ужъ если съ вечера не найдешь работы, такъ ее не будетъ и весь день.

— Что разсказываешь! Только понравься, возьмутъ тебя и утромъ,— вмѣшался въ разговоръ молодой парень.

— Не говори ты мнѣ... Стара ужъ я! Лучше идемте!—настойчиво твердила женщина.

— Ну, что жъ, итти, такъ итти! — согласились нѣкоторые. Молча поднялись и ушли. Другая же, большая часть рабочихъ осталась ночевать.

Въ ближайшихъ домахъ все рѣже и рѣже встрѣчались огни. Улица опустѣла, и какъ-то замерла: нигдѣ ни одной души живой, хоть весь городъ исходи, никого не встрѣтишь. На томъ мѣстѣ, откуда только что встали и ушли, прислонились къ стѣнѣ двое— женщина и мужчина, не то юноша, не то ребенокъ. Они отстали отъ товарищей, были изнурены безсонной ночью, устали и не хотѣлось имъ итти дальше. Стали устраиваться, чтобы прилечь, молчали, голоса не подавали... Вѣтеръ развѣвалъ ихъ одежду, разносилъ всякія бумажки и другой соръ.

Они шелестѣли и катились по землѣ, пока не попадали въ безвѣтренный закоулокъ и лежали тамъ спокойно. Изъ ближайшей узкой улицы ночной вѣтеръ доносилъ дѣтскій плачъ, горькій и жалобный. По берегу моря размѣренными шагами ходили таможенные стражники въ застегну-

тыхъ плащахъ, плотно обутые, такъ что ихъ и снѣгъ, хоть бы до колѣнъ выпалъ, не потревожилъ бы. Въ гавани безконечно, непрерывно набѣгали одна на другую разбитыя волны, обламывались о берегъ краями и плакали и шептались однообразно, какъ будто убаюкивали утомленныхъ горожанъ. Корабли и лодки, привязанные на берегу, толкаемые быстрыми валами, на минуту поднимутся и съ разгона бьются о стѣны. Между парусами кораблей свистнетъ порывъ вѣтра и вздрогнутъ вѣтки ближайшихъ деревьевъ, гдѣ-то зашелеститъ сухой листъ, но и этотъ звукъ теряется въ вышинѣ, полный трепета и робкаго шопота легкаго ночного вѣтра; шопотъ этотъ проникаетъ въ самое сердце. Ночь была ясная, холодная: если всю ночь небо будетъ такое чистое, къ разсвѣту можно ждать мороза. Пока тѣ двое— мать и сынъ — шли, холодъ не давалъ себя знать; они только молча и тихонько ежились, подвигаясь впередъ. Сразу остановились. Замѣтили недалеко отъ себя клубы дыма и свѣтъ; онъ выходилъ изъ дома у самаго моря. Вглядѣвшись, они увидѣли домашній очагъ съ весело пылающимъ огнемъ. Эти двое ничего лучшаго и не искали; имъ такъ хотѣлось посидѣть у огня, отдохнуть около него. Теплое пламя, окруженное какимъ-то пріятнымъ паромъ, разгорѣлось такъ ярко, что все кругомъ было освѣщено. Они смотрѣли, какъ огонь лизалъ сухое дерево, какъ изъ него весело вылетали искры и кружились въ воздухѣ. Ихъ охватило неудержимое желаніе этого тихаго очага, сладкаго сна, и они инстинктивно подошли прямо на свѣтъ.

Они стали около открытыхъ дверей; черезъ двери къ нимъ лился жаркій свѣтъ и парной воздухъ. Плечами они оперлись о стѣну; она была горяча отъ сильнаго огня. По тѣлу ихъ разлилась пріятная теплота, и они долго такъ стояли, нагнувшись впередъ. Хотѣлось имъ войти, чтобы имѣть ночлегъ, гдѣ бы укрыться до разсвѣта, и они все ждали, не выйдетъ ли кто изъ дома и не впуститъ ли ихъ.

И, дѣйствительно, скоро на порогѣ показался кто-то изъ прислуги. Оглянулся кругомъ.

— Чего вы тутъ стали? — сердито обратился къ нимъ.

— Мы-то?—спросила женщина.

— Да!

— Устали мы, отдыхаемъ.

— Почему вы здѣсь?

— А куда же намъ итти, когда мы никого не знаемъ.

— Благодарите Бога, хорошо попали!

— Что ты говоришь? Ну, смилуйся, пусти насъ въ домъ.

— Хорошо!

— Молодая? — сказалъ кто-то изъ комнаты, прислушиваясь къ разговору и выглядывая изъ дверей, чтобы посмотрѣть, кто просится.

— Пусти ихъ! — сказалъ опять первый говорившій. Тѣ двое молча ждали.

— Почему вы раньше себѣ ночлега не нашли?—спросилъ первый.

— Нѣту его! Бѣда намъ!

— Ну, идите ужъ, идите! — смягчился, нако-

нецъ, первый человѣкъ и открылъ имъ двери, чтобы вошли:

Они очутились въ низкой комнатѣ, гдѣ было установлено колесо для промалыванья маслинъ и машина для выжиманья масла. Въ углу, у стѣны, висѣлъ котелъ, изъ котораго паръ валилъ сѣрымъ туманомъ; подъ котломъ горѣлъ яркій огонь; около очага были сложены толстыя полѣнья дровъ, щепки, лучинки, а по полу разсыпана была просушенная трава. Вся комната полна была дымомъ, паромъ и тепломъ; пахло теплой гнилью и горячей пищей; этотъ запахъ затруднялъ дыханье и дразнилъ обонянье. Въ первую минуту тѣмъ двумъ было неловко; но чѣмъ дольше находились они около огня, тѣмъ они чувствовали себя лучше. Позволили имъ остаться до утра и позвали ихъ ѣсть. Они послушно подсѣли къ очагу. Она была пожилая женщина и казалась очень усталой. На головѣ ея была, повязка, поверхъ нея бѣлый платокъ; на рубашку надѣта была суконная юбка. Ея спутникъ оказался еще мальчикомъ. Все на немъ было старо, кромѣ большихъ подвязанныхъ кожаныхъ „подколѣнницъ“. На нихъ были нашиты цинковыя пуговицы, которыя блестѣли на огнѣ. Черезъ плечо висѣлъ у него мѣшокъ; онъ опирался на него, запахнувшись зимнимъ плащомъ.

Огонь разгорался все сильнѣе и поглощалъ мгновенно все, что въ него бросали. Камни трескались и накалялись, точно сами хотѣли разгорѣться. Кругъ вертѣлся и скрипѣлъ. Около него работали и возились молодыя дѣвушки. Тяжелый камень мололъ маслины; стучали косточ-

ки, получалась липкая масса, похожая на тѣсто, полная масла, которое вытекало и понемногу стекало въ жолобъ. Склонивъ головы, дѣвушки со всей силы упирались въ рукоятку и пѣли пѣсню, полную тоски. Въ машинѣ что-то перевернулось, она заскрипѣла и остановилась. Работницы передохнули, отерли рукой горячій потъ, который капалъ у нихъ со лба; отъ него волосы на вискахъ у нихъ слипались. Пора было имъ отдохнуть.

Женщины и мужчины сѣли на теплую солому около очага. Осталась стоять только старуха съ головою, обмотанною платкомъ. Она взяла полное блюдо сухихъ смоквъ и бутылку „ракіи“ (водки) и поставила передъ всей честной компаніей. Всѣ принялись ѣсть. Пламя очага стало слабѣе, но воздухъ еще былъ удушливъ. Лица поденщицъ были красны, перепачканы гнилыми маслинами, по щекамъ катился потъ, смѣшанный съ масломъ. Лица двухъ пришельцевъ тоже раскраснѣлись.

— Эй, ты, влахинья, ракіи хочешь?—спросила старуха. Та поднялась, и сынъ ея вскочилъ, протеръ глаза, которые глядѣли неопредѣленно вокругъ.

— Спасибо, не нужно. Уже намъ и такъ тепло.

— Бери, когда даютъ!

— Хорошо, съ удовольствіемъ возьму изъ твоихъ почтенныхъ рукъ, — и женщина выпила чарку.

— На и тебѣ!—обратилась старуха къ мальчику, наливая и ему.

— Спасибо!

— Отчего не берешь?

— Возьми, Марко,—сказала его мать.

Взялъ Марко чарочку и выпилъ половину. А дѣвушки смотрятъ и удивляются его пестрому вязаному поясу и бѣлому, какъ снѣгъ, платку, которымъ повязана была голова женщины.

— Откуда вы?—спросила одна изъ нихъ.

— Издалека, почти изъ Загоры.

— Чего же ты оттуда пришла?

— Неволя заставила.

— А ты замужемъ?—спросила другая.

— Замужемъ, милая. Это жъ мой сынъ,—показала она головой на юношу.

— Какъ же твой мужъ отпустилъ тебя?—шутила старуха.

— Случилось съ моимъ мужемъ несчастье, боленъ онъ былъ,—говорила женщина, пристально глядя въ огонь.

— Что же съ нимъ случилось, разскажи.

— Что ужъ тамъ разсказывать. Отъ этого легче не будетъ.

— Разскажи,—пристали къ ней дѣвушки.

— Если такъ вамъ хочется, слушайте. Строилась у насъ новая церковь. Взяли и мужа моего на работу... Ну, а тутъ и случилась бѣда: однажды вечеромъ принесли его домой съ разбитою ногой. Вотъ и неволя!—вдругъ быстро закончила женщина.

— Какъ же ты его больного покинула?

— Не такая я злая. Онъ немного поправился, но не могъ работать. Работала я... Все потратила! Больше всего на лѣкарства и на докто-

ровъ... Ушла я, чтобъ хоть немного заработать. Слава Богу, научилъ меня Господь.

Всѣ молчали. Пламя уже гасло; время отъ времени, какъ бы отъ порыва вѣтра, оно снова разгоралось. Дымъ сталъ рѣже, и воздухъ въ низкой комнатѣ сталъ чище. Мало-по-малу онъ становился совсѣмъ прозрачный и сѣрый. Всѣ легли, чтобы заснуть, хоть не надолго. Нѣкоторыя скоро уже и захрапѣли.

Женщина и юноша устроились другъ возлѣ друга. Онъ оперся плечомъ о мѣшокъ, и такъ, полусидя, оба они дремали въ ожиданіи разсвѣта, надѣясь, что утромъ имъ посчастливится найти добраго хозяина, который наймет ихъ на работу. И только забрезжилъ свѣтъ, они вышли и скоро очутились передъ хозяйскимъ дворомъ. Жупанъ (приказчикъ) какъ разъ нанималъ рабочихъ, чтобы вести ихъ въ поле. Цвѣта подошла къ нему.

— Возьми и насъ обоихъ!

— Не надо мнѣ больше.

— Чѣмъ же мы хуже другихъ? Дядя, возьми насъ!

— За сколько же вы станете?

— Какъ и другіе.

— Ну, хорошо. Идите и вы. На день берите хлѣба въ мѣшокъ; вечеромъ даемъ масла, дрова, котелокъ и на похлебку...—Онъ оглянулся на парня: —какъ знаете, такъ и обойдетесь. Да! Поденщина у насъ не тяжелая.

Съ этими словами всѣ рабочіе отправились въ поле. Тѣ двое вмѣстѣ съ другими. День былъ зимній, красивый. Сначала, пока солнышко не

взошло и пока не обогрѣло, промывали маслины, и пальцы щипалъ холодъ и зябли ноги. Но чѣмъ выше поднималось солнце, тѣмъ становилось теплѣе. Мать и сынъ радовались, что они, не выходя изъ города, счастливо нашли хорошаго хозяина.

На деревьяхъ и подъ ними парни и дѣвушки цѣлый Божій день пѣли пѣсни во все горло. Съ другихъ участковъ имъ отвѣчали такія же пѣсни. Между рабочими были и загорцы. Они тоже пѣли свои старыя юнацкія пѣсни. Всѣ поля, сколько глазъ видѣлъ, звенѣли звонкимъ хохотомъ, молодымъ смѣхомъ и пѣснями. Всѣ эти звуки разносились далеко, но самихъ рабочихъ не было видно: они всѣ скрывались подъ густыми вѣтками маслинъ и подъ самыми деревьями. На маслину былъ хорошій урожай; деревья стояли рядами,—одни ниже, другіе выше; всѣ вѣтки были усѣяны круглыми, плотными ягодами, темными, синими и темно-зелеными, такими толстыми, что, казалось, онѣ готовы лопнуть, и что польется изъ нихъ масло. Отъ тяжести плодовъ вѣтки низко клонились къ землѣ. Рабочіе съ трудомъ собирали все, что на деревьяхъ висѣло, падало на землю, гнило подъ деревьями. Не стоило и встряхивать деревья: куда руку ни подставь, есть ихъ сколько угодно.

Съ утра хорошо напились и наѣлись, наготовили себѣ полный котелокъ, да и другіе рабочіе ихъ угощали. Къ обѣденному времени насобирали себѣ сухихъ и подгнившихъ маслинъ; помазали хлѣбъ, чтобы не ѣсть сухой. Послѣ полудня солнце стало еще сильнѣе пригрѣвать,

стала молодежь кидаться косточками, шумѣли, шалили.

— Что это у тебя за кусокъ творогу на головѣ?—смѣялся молодой парень, который собиралъ маслины съ Цвѣтою. Онъ указывалъ на повязку женщины: отрѣжь-ка мнѣ кусочекъ. Скинь его съ головы, мы откусимъ немного,— и уже протягивалъ къ повязкѣ руку.

— Да ну,—отталкивала она его. Парень видѣлъ, что она не сердится, и началъ бросать ей въ голову гнилыя маслины. Цвѣтѣ это надоѣло.

— Говори языкомъ, что хочешь, а рукамъ воли не давай!

— Оставь ее. Она тебѣ не дѣвочка, чтобъ глупости такія терпѣть!—озабоченно вмѣшался ея сынъ, Марко.

— Ну, ты, чего огрызаешься, когда тебя не трогаютъ?—насмѣшливо и грубо возразилъ ему парень. Другіе тоже стали шутить, задирать и приставать, пока жупанъ не крикнулъ:

— Вечеромъ можете шалить, сколько захотите. Теперь всѣ шеи нагните и собирайте маслины!

Передъ закатомъ солнца снова похолодало. Кругомъ стало тихо и спокойно. Ясно слышно, какъ трясутся деревья, какъ маслины падаютъ, и шорохъ людей, собирающихъ ихъ съ земли. Солнце спускалось все ниже и тѣни отъ масличныхъ деревъ протягивались все длиннѣе; съ каждой минутой лучи солнца становились блѣднѣе и только вдали еще ярко горѣли голыя каменистыя скалы. Влажный легкій вѣтеръ со

всѣхъ сторонъ приносилъ острый ароматъ конопли, вереску и ноготковъ. Отъ влажной земли поднимался тяжелый запахъ сырости. Въ голубомъ, свѣжемъ воздухѣ всѣ эти запахи жадно сливались. Солнце заходило въ ярко-красной зарѣ—полной кругомъ какихъ-то фантастическихъ очертаній; разстилалось красное небо далеко-далеко за море, за корабли, шедшіе отъ далекихъ, чужихъ береговъ.

— Завтра будетъ тоже ясный день. Солнце хорошо заходитъ,—замѣтилъ старый рабочій.

Всѣ посмотрѣли на западъ, и всѣ радовались, что и завтра будетъ работа. Уже темнѣло, когда вернулись домой. Марку дали нести мѣшокъ съ оставшимися маслинами, которыхъ никуда нельзя было уже вмѣстить. Цвѣта сама взяла мѣшокъ и пошла. Съ вечера хозяинъ отвелъ имъ небольшую хатку на концѣ двора. На полу и по угламъ раскидана солома и стручки фасоли да два старыхъ одѣяла. По срединѣ—мѣсто для очага; его можно узнать по разсыпанному кругомъ него камышу и недогорѣлымъ чернымъ головешкамъ. Еще троихъ новыхъ въ ту же хатку прислалъ къ нимъ хозяинъ, двухъ мужчинъ и одну женщину. Цвѣта осмотрѣла все въ хаткѣ и пошла въ городъ купить кукурузной муки. Пока она вернулась, въ хаткѣ уже очагъ ярко горѣлъ и такъ хорошо освѣщалъ всю комнату, что и безъ свѣчей было видно. Надъ огнемъ кто-то уже повѣсилъ котелокъ, такъ что свой супъ Цвѣта должна была поставить къ сторонкѣ на два камня. Она подождала, чтобъ вода закипѣла, и всыпала тогда муку. Паръ поднимался со дна и клокоталъ, и

похлебка покрылась пузырями. Сожители разговорились и скоро такъ сблизились, какъ будто давно были знакомы. Скоро раздались пѣсни; всѣ сѣли вокругъ дымящагося блюда.

— Смотрите, масло еле-еле льется,—замѣтилъ кто-то.

— Мутное да нечистое, прости Господи, и смотрѣть на него противно,—сказала Цвѣта. А маслины огромныя, въ дукатъ, лежали на днѣ кушанья.

Послѣ ужина всѣ товарищи стали молиться Богу. Прочитавши „Отче нашъ“ и помянувши своихъ покойниковъ, всѣ постелились и улеглись спать, свой ближе къ своему.

Такъ прошло нѣсколько дней, одинъ лучше другого. Было много и труда, и веселья, и пѣсенъ, и вздоховъ. Цвѣта радовалась. „Если такъ погода подержится, что-нибудь и заработаемъ“, — и уже она складывала въ своей головѣ, сколько „новацевъ“ принесетъ она своему больному мужу. Они вдвоемъ зарабатываютъ въ день 60 новацевъ; если они и истратятъ половину, нужно же и купить кое-что, то все же къ Рождеству останется денегъ немного. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Незамѣтно погода измѣнилась. Цѣлый день ползли по небу съ сѣвера кучи свѣтлыхъ облаковъ, похожихъ на расчесанное овечье руно. И солнце въ тотъ день уже не зашло въ красную зарю; оно при закатѣ скрылось за темную длинную тучу и больше не показывалось. Эта туча, напоминавшая своимъ видомъ корабль, понемногу ползла на небо и скоро вылилась дождемъ. Съ ночи задулъ осенній южный

вѣтеръ. Все потускнѣло; къ разсвѣту уже не было мороза. Понадѣвали на ноги легкія опанки и завязали ихъ. Въ первый день еще продолжали работать, не обращали вниманія на то, что сильный вѣтеръ дулъ и гнулъ вѣтви масличныхъ деревъ. Но на другой день, около полудня, принуждены были оставить работу. Накрапывалъ дождь. Сначала прятались подъ толстыя деревья, подъ вѣтки, думая, что онъ скоро перестанетъ. Но напрасно надѣялись: погода еще больше испортилась. Пришлось бѣжать домой по грязи, промокнувъ подъ ливнемъ, и только около огня, дома, высушились и обогрѣлись. Съ этого дня дождь шелъ днемъ и ночью, точно въ небѣ что-то прорвалось. Снѣгъ, градъ, дождь и вѣтеръ смѣняли другъ друга каждую минуту. Ни единаго луча солнца; вся природа точно омертвѣла отъ холода и влаги. Ноги рабочихъ не просыхали. Холодная сырость проникала до костей, въ самый мозгъ Отъ недостатка здоровой пищи колѣна дрожали и въ глазахъ темнѣло. Но самой горькой мукою для всѣхъ ихъ было то, что надо было ѣсть, приходилось тратиться на пищу, а заработать ничего нельзя было, и все, что было заработано занемногіе счастливые дни и что такъ хотѣлось принести домой, теперь растрачивалось.

Въ одинъ изъ этихъ холодныхъ, мокрыхъ дней вдругъ загремѣлъ громъ, засверкала молнія. Все небо со всѣхъ сторонъ заволокло, казалось, вся земля будетъ потоплена, дождь лилъ всю ночь, какъ не лилъ еще никогда. Весь городъ утопалъ въ грязи. Крупныя частыя капли, гонимыя сильнымъ вѣтромъ, ударяли по крышамъ, били въ

оконныя стекла, будили дѣтей и взрослыхъ. На колокольняхъ перестали звонить въ колокола, все живое испуганно попряталось и ожидало, когда же, наконецъ, пройдетъ ненастье. Въ ту ночь облака вылили столько влаги, что ея хватило бы на цѣлый годъ.

Въ хатку Цвѣты пробралась вода и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Промокла крыша, капало со всѣхъ сторонъ. Случалось, что вода гасила огонь, который пока еще тихонько тлѣлъ и дымился изъподъ золы. Вставали съ пола, когда вода доходила до постелей и мочила солому, на которой они лежали. По обычаю, они каждое утро молились, молили Бога о лучшихъ дняхъ. Но съ разсвѣтомъ видѣли, что снова лилъ дождь.

Однажды, совершенно неожиданно, къ нимъ зашелъ хозяинъ вмѣстѣ съ жупаномъ. Разомъ съ другими рабочими онъ повелъ ихъ въ ближайшій погребъ. По дорогѣ, со всѣхъ сторонъ бѣжала вода и доходила имъ до колѣнъ. Открыли двери въ погребъ. Свѣтъ дня былъ такъ слабъ, что не могъ побороть мрака. Зажгли свѣчи. По подвалу плавала посуда, колоды, доски, и все это задерживало воду. Приходилось копать и проводить отводящія канавки, чтобы вода уходила въ поле и сливалась въ оврагѣ въ одинъ общій потокъ. Босые, съ подвернутыми до колѣнъ штанами, стояли рабочіе въ этихъ холодныхъ лужахъ, работая и мучась до самаго поздняго утра. Юный Марко скоро усталъ: не привыкъ онъ къ такой работѣ. А Цвѣта изъ силъ выбилась, вынося воду. Когда вышли изъ погреба, уже стоялъ мутный пасмурный день, но дождя ужъ больше не

было. По дорогамъ стояли лужи, а по всѣмъ спускамъ бѣжала вода. Съ крышъ такъ часто капало, что казалось, что шелъ дождь. Море безъ края лежало сѣрое, мутное, точно рѣка, которая поднимается въ низкихъ берегахъ. И обмытые дома и сѣрая толпа людей ясно вырисовывалась на этомъ мокромъ фонѣ. Рабочіе, блѣдные, изнуренные, перепачканные грязью, шли одинъ за другимъ, приглядываясь, куда ногу поставить.

— И сегодня ничего не заработаемъ!—печально сказала Цвѣта сыну, входя въ свою хатку.

Не скоро обсушились даже около большого огня. Изъ ихъ одежды валилъ паръ, какъ изъ котла. А съ сыростью, которая проникла во всѣ стѣны, не могъ совладать и самый жаркій огонь. На другой день погода разгулялась. Солнце показалось всѣмъ свѣтлѣе, чѣмъ когда-либо. По ту сторону морского залива, на каменистыхъ скалахъ, виднѣлись деревни, лѣса, выступали отдѣльныя деревья. Воздухъ былъ чистъ и прозраченъ. Въ морѣ красиво отражалось ясное небо. Рабочіе отправились въ поле. Цвѣта надѣялась, что будетъ работа каждый день уже и до самаго ихъ возвращенья. Она ошиблась: было такъ мокро, что невозможно было работать. Съ масличныхъ деревьевъ, чуть до нихъ прикоснешься, лилась вода, а земля была такъ пропитана влагой, что ее можно было мѣсить ногами. Маслины раздавливались при сборѣ ихъ. Жупанъ остановилъ работу. Загорцы съ досадою вернулись вмѣстѣ съ другими домой.

Въ эту ночь заболѣлъ юный Марко. Закружилась у него голова, сталъ онъ сильно горѣть.

Раскидывался, сбрасывалъ съ себя одѣяло, хотя мать не переставала его укрывать и успокаивать. Началась у мальчика рвота. Ничѣмъ не могли ему помочь, кругомъ былъ полный мракъ, не было ни у кого свѣчей. Пробовали разложить огонь, но дрова были сырыя и ничѣмъ сухимъ нельзя было ихъ разжечь. Насилу дождались дня. Марко не могъ подняться, остался лежать на влажной соломѣ.

Къ утру во дворѣ появился жупанъ. Цвѣта пошла къ нему.

— Сынъ у меня ночью заболѣлъ! — жалобно сказала она.

— Что же я могу тутъ помочь? — грубо сказалъ онъ.

— Можетъ... — робко говорила она, — дадите хоть немного сухихъ дровъ.

— Развѣ вы уже всѣ пожгли? Что же вы съ ними дѣлаете?

— Есть еще, есть...— говорила Цвѣта:—но совсѣмъ мокрыя.

— Ну, подсушите ихъ... Я посмотрю.

Они вошли въ хатку. Оглянулся и увидѣлъ подъ стѣною охапку сложенныхъ дровъ.

— Пожгите сейчасъ это... А масло есть у васъ?

— Есть немного... Мутное и грязное.

— Процѣдите его, пусть стечетъ, и у хозяина теперь нѣтъ хорошаго.

Посмотрѣлъ на малаго.

— Что же у тебя болитъ?

— Все...—простоналъ Марко.

— Какъ все? Разлѣнился?

— Почемъ я знаю?.. Болитъ!

Жупанъ задумался и обратился къ Цвѣтѣ:

— Приведу къ нему доктора; онъ, все равно, обѣщалъ быть у хозяина.

— Пришлешь?.. Богъ тебя наградитъ,—горячо ухватилась она за его слова.

Около десяти часовъ пришелъ докторъ съ жупаномъ. Цвѣта ввела его въ хату. Осмотрѣлъ больного и на бумажкѣ прописалъ лѣкарство. Марко едва говорилъ: онъ былъ испуганъ. Не привыкъ онъ къ докторскимъ осмотрамъ. Когда докторъ уходилъ, Цвѣта спросила,— что приготовить мальчику на обѣдъ?

— Конечно, супу и хорошаго краснаго вина.

— Э! да вонъ оно и есть!— замѣтилъ жупанъ.

— Да, что это такое, — сказалъ докторъ, замѣтивъ стаканъ на выступѣ стѣны; нагнулся и заглянулъ въ него; изъ стакана вылилось нѣсколько капель. Жидкость походила на грязную мутную воду.

— Попробуйте, увидите, какое вкусное.

Докторъ послушался, попробовалъ, почмокалъ губами, облизнулъ ихъ языкомъ и сплюнулъ:

— Да это отрава! Вонючая, противная...

— То вамъ такъ, а для нихъ оно, какъ манна Божья.

Докторъ и жупанъ ушли. Цвѣта пошла къ хозяину и взяла у него больше обычнаго денегъ, чтобы купить сыну, что ему прописалъ докторъ. Жалко ей было тратить лишнее, да что же дѣлать? Нельзя же сына оставить безъ помощи, да еще на чужой сторонѣ. Если бы онъ заболѣлъ дома, тамъ у себя, лѣчила бы она его своими

средствами; но разъ ужъ нужда загнала ее на чужую сторону, пусть будетъ, что Богъ дастъ.

Лѣкарство, а еще больше мясо и чистое вино помогли Марку, и онъ на другой день поднялся, хотя и чувствовалъ себя еще слабымъ. Только напрасно Цвѣта надѣялась на хорошую погоду. Ясные дни не возвращались. Опять задулъ южный вѣтеръ, опять полилъ дождь. Еще два дня можно было поработать до полудня; потомъ полилъ тихій холодный дождь, который, казалось, до костей пронизывалъ. Въ эти темные дни мысли замучили Цвѣту.

— Ничего не придумаю, надо домой воротиться,— рѣшительно сказала она:—ѣдимъ, тратимся тутъ и ничего не зарабатываемъ!

Ее охватила мучительная тоска по дому. И, наконецъ, она твердо рѣшила на другой же день уѣхать. И, рѣшивъ, она успокоилась. А на разсвѣтѣ, какъ на зло, вѣтеръ поднялся и задулъ еще сильнѣе.

— Богъ знаетъ, сколько онъ времени будетъ дуть. Можетъ, и цѣлую недѣлю продержится,— говорили ей товарищи, съ которыми она совѣтовалась. Пошла она печальная къ жупану, чтобъ повелъ ее къ хозяину, пусть онъ разсчитаетъ ее.

Хозяина застала въ комнатѣ. Онъ взялъ книгу и сталъ считать. Наконецъ сказалъ: „Мало тебѣ приходится“,—и вынулъ кошелекъ съ деньгами.

— Благодарю Бога и за то, что далъ.

— На, бери, это все твое, — и онъ кинулъ ей нѣсколько монетъ. Цвѣта схватила деньги, посчитала ихъ,— и глазамъ своимъ не повѣрила. Нѣ-

сколько разъ перекладывала деньги съ одной руки на другую.

— Мало, хозяинъ!—и все смотрѣла на маленькую горсть въ рукахъ.

— За сколько уговорились!

— Да. Но и того тутъ не хватаетъ. Недостаетъ 16 новацовъ.

— Не можетъ этого быть,— нетерпѣливо возразилъ хозяинъ, морщась и снова пересматривая счеты... Поднялъ голову:

— Какъ же ты считаешь? Все вѣрно. Шестнадцать новацовъ ты же забрала на литръ вина для больного сына. Развѣ не помнишь?

— Чтобы его вылѣчить брала я вино, а вы это съ меня теперь взыскиваете?

— Ну, а какъ же, развѣ мнѣ даромъ доходы даются?

— И вино все цѣло осталось. Пригодится вамъ.

Хозяинъ разсердился, но пятерку набавилъ.

— Я ошибся, не твой счетъ, другому надо 16, а тебѣ двадцать одинъ. На, бери, довольна теперь?

Цвѣта взяла и тѣ пять новацовъ и нерѣшительно замѣтила:

— Ничего вы мнѣ не хотите заплатить за то, что мы воду изъ погреба выливали и измокли до нитки. Сынъ мой тогда же простудился.

— Посмотрите вы на нее!— закричалъ хозяинъ, обращаясь къ жупану. — Гдѣ это видано? Сдѣлаешь доброе дѣло, возьмешь ихъ на работу. Даришь ей— и все это ей мало, все еще несправедливо!— Онъ повернулся къ Цвѣтѣ: — Кто

жъ меня судить будетъ? Господь Богъ, а? Умѣла бы считать, сама бы видѣла. Или я тебя награждать еще долженъ? Гайда, уходи себѣ, да благодари Бога и меня, что кормилъ тебя!

— Богъ съ вами! — сказала Цвѣта и ушла взволнованная.

По дорогѣ раздумывала. Посчитала, убѣдилась, что нѣтъ всѣхъ денегъ, какія слѣдовало получить, и горько себя упрекала. Правда, на пароходъ хватило бы заплатить и еще кое-что осталось бы; но сказали ей, что въ такую плохую погоду пароходъ не пойдетъ. А кто знаетъ, когда погода перемѣнится. Она хорошо знала, сколько надо платить за билетъ. Ровно столько же, сколько платила, ѣдучи сюда. Хорошо все высчитала въ умѣ, помогая себѣ пальцами. И все-таки что-то недоставало, хоть и немного. Впрочемъ, она успокоилась, думая, что и съ этими деньгами ей удастся доѣхать. Но какъ только перестала объ этомъ раздумывать, сейчасъ вспомнился ей ея больной мужъ. Какъ она вернется къ нему безъ денегъ? Что же онъ скажетъ? И снова охватила ее тревога, и печальная вошла она въ хату и сообщила сыну, что уже сегодня могутъ вернуться домой. Собрались скоро и вышли. Ни съ кѣмъ изъ товарищей не попрощались, хозяинъ ихъ всѣхъ разослалъ на разныя работы.

Пароходъ долженъ былъ отойти около часа дня, но звонокъ раздался уже въ полдень. Цвѣта подумала, что уже поздно, что она лучше тамъ подождетъ, чтобы не опоздать. Ни минуты она не сомнѣвалась, что ихъ повезутъ и за мень-

шую плату. Больше всего она надѣялась, что ихъ пуститъ за полцѣны тотъ, кто выдаетъ билеты, когда узнаетъ о ея несчастьѣ, увидитъ, что она не виновата и что они— безпомощные крестьяне. Думала, что вѣдь и онъ крещеная душа, хотя люди теперь казались ей далеко не такими, какими она видѣла ихъ въ своемъ родномъ селѣ. Такъ на берегу, ожидая парохода, она увидала одного загорца; она узнала его по одеждѣ; оказалось, что онъ изъ сосѣдняго села. Когда они дознались, что они сосѣди, то разговорились, и женщина пожаловалась ему на свое горе, разсказала, какъ у нея время пропало и ничего она не заработала.

— Не хватитъ даже и на дорогу!

— Такъ что же ты будешь дѣлать?—спросилъ ее кто-то изъ окружавшихъ.

— Ну, онъ пуститъ меня, не посмотритъ на то, что у меня денегъ не хватаетъ.

— Ай, и видно же, что ты ничего не понимаешь. Не поѣдешь ты сегодня домой!

— Что ты говоришь!

— Говорю тебѣ, не дастъ онъ билета, если ты ему хоть одинъ новацъ не додашь. Знаемъ мы ихъ!

— Ты меня убиваешь... Это невозможно!— волновалась Цвѣта.

— Я тебѣ говорю, а ты дѣлай, какъ знаешь,— заключилъ спокойно загорецъ и отошелъ отъ нея.

— Горе мнѣ!— схватилась женщина руками за голову.

Наконецъ съ моря раздался свистокъ. Всѣ бро-

сились къ пристани. Пароходъ присталъ. Агентъ пароходнаго общества собиралъ деньги съ отъѣзжавшихъ и раздавалъ имъ билеты. Былъ онъ озабоченъ, такъ какъ погода была плохая, а загорцевъ было много, и каждый изъ нихъ торговался и надо было съ ними спорить. Вѣтеръ сильно дулъ, и агентъ прятался за стѣну, которая ограждала берегъ залива. Среди этой суеты и шума Цвѣта, таща сына за собою, едва пробилась къ нему.

— Два билета, за него и за меня,—сказала она, показывая на сына.

— Куда ѣдешь?

— Въ О....!

— Дай деньги,—и агентъ протянулъ руку.

— Сколько?

— Одинъ флоринъ и двадцать! Давай скорѣе!

Она мѣшкала. Наконецъ надумалась; развязала платокъ и дала ему одну крону.

— Что это? Ну, иди ты къ чорту. Флоринъ и 20!—кричалъ на нее агентъ.

— Вотъ, это все,—и Цвѣта высыпала ему въ руку всѣ свои деньги.

Агентъ быстро ихъ пересчиталъ.

— Еще надо 18 новацъ! Ну, давай скорѣй!

— Нѣтъ у меня больше!

— Такъ зачѣмъ задерживаешь, бестія,—крикнулъ онъ и грубо высыпалъ ей обратно деньги въ руку.

Люди наступали со всѣхъ сторонъ, требуя билетовъ. Столпились. Пароходный свистокъ раздался второй разъ. Валахи бросились на па-

роходъ съ шумомъ и говоромъ. Цвѣта снова приступила къ агенту.

— Уступи ужъ мнѣ эти 18 новацовъ,—просила она со слезами въ голосѣ:—ужъ поѣхала бъ и я со своими. Нѣтъ у меня больше денегъ, а тебя Богъ наградитъ...

— Не дамъ билета, не уступлю ни копѣйки, иди прочь. Вотъ идутъ два господина,—и, не слушая больше Цвѣты, онъ направился прямо къ нимъ. То были: одинъ высокопоставленный чиновникъ, другой — путешествующій торговецъ. Оба красные, возбужденные, навѣрное пришли прямо съ обѣда.

— Дайте мнѣ билетъ, знаете, такъ—въ долгъ,— просилъ чиновникъ.

— Мнѣ тоже въ счетъ будущаго,—просилъ и торговецъ.

— Сейчасъ, господа, — услужливо говорилъ агентъ.—Третій свистокъ. Всѣ спѣшили на пароходъ. При входѣ на палубу отъѣзжающихъ ожидалъ контролеръ, поставленный для того чтобъ отъ подозрительныхъ путниковъ требовать билетъ. Еще нѣсколько рабочихъ по ихъ слѣдамъ проскользнуло. И Цвѣта съ Маркомъ попытались войти, но оказалось, что ихъ попытка не удалась! Прошли они уже счастливо черезъ доску, что была перекинута съ берега, и хотѣли уже скрыться между людьми, но тутъ увидѣлъ ихъ контролеръ и сразу потребовалъ билетъ. Цвѣта на минуту остановилась, но потомъ подумала, что это не къ ней относится, подвинулась впередъ.

— Билетъ давай! — закричалъ контролеръ и

остановилъ ее. Женщина притворилась, что не понимаетъ.

— Уходи,—сердился контролеръ и столкнулъ ее съ парохода. За нею сошелъ и Марко. Люди, смѣясь, глядѣли на это столь обычное происшествіе.

Доску сняли. Пароходъ потихоньку подался назадъ.

— Пустите меня, ради Бога!—закричала Цвѣта,—вотъ вамъ все, что у меня есть.—Она всѣхъ молила и заклинала, чтобы ее услышали. Наконецъ умолкла. Пароходъ слегка повернулся, какъ бы намѣреваясь снова пристать къ берегу. Эти неопредѣленныя движенія радовали бѣдную женщину; она еще не теряла надежды. Впилась глазами въ пароходъ, какъ будто думала его остановить. Но вотъ машина стала сильнѣе работать, и онъ повернулъ совсѣмъ отъ берега. Поплылъ скорѣе. Дымъ клубами расходился по воздуху. Цвѣта замерла. Не отрывая глазъ слѣдила за нимъ. Ей видѣлся тамъ далеко больной мужъ, слабый; ихъ хата и весь спокойный уголокъ ихъ села. Хотѣла кричать, звать пароходъ, но голосъ ея вдругъ пропалъ. Какъ-то безсознательно она подняла руку и такъ держала ее, и эта рука нѣкоторое время оставалась на воздухѣ.

— Ушелъ!—грустно, съ болью въ голосѣ произнесъ Марко.

Вѣтеръ дулъ съ такою же силою. Волны бились объ стѣну, разбивались и обдавали солеными брызгами. Опять пошелъ дождь. Крупныя, холодныя капли ударяли по лицу. Люди печаль-

ные расходились одни за другими, защищаясь раскрытыми зонтиками отъ дождя и вѣтра. Только они двое еще стояли. Передъ ними чернѣло небо, точно грозило имъ новою бѣдою. Наконецъ и они, печальные, молчаливые, пошли вслѣдъ за людьми. Ихъ огорченныя, измученныя лица выражали одно и то же горе, одна и та же мысль мучила ихъ и напрашивалась на языкъ:

— Бѣдные мы, бѣдные! Куда мы теперь пойдемъ!—сказала Цвѣта. Вмѣсто отвѣта сынъ печально на нее поглядѣлъ. Надо было уходить отъ холодныхъ морскихъ брызгъ...

Слѣдующій день былъ ясный, погода разгулялась. На ихъ счастье утромъ съ моря пришелъ пароходъ. На немъ тарифъ былъ ниже, и они попали на него и благополучно вернулись въ свой край.

Чуть нога ихъ ступила на землю, они вздохнули такъ, какъ будто съ груди ихъ упалъ камень. Никуда не сворачивая, они направились домой, чтобы до темноты добраться къ своимъ. Цвѣта въ дорогѣ успокоилась и радовалась, что наконецъ возвращается домой. Эта радость поддерживалась надеждою, что она застанетъ мужа здоровымъ и способнымъ къ работѣ. Марко даже покрикивалъ отъ радости, когда дорога повернула прямо къ ихъ селу. Недалеко отъ села они встрѣтили сосѣда своего Пера и поздоровались. На ходу спросили о своихъ, но быстро отошли, потому что уже близко подходили къ своей хатѣ; они не замѣтили, какъ испуганно и тревожно глядѣлъ на нихъ Перо во

время этой короткой бесѣды. Наконецъ, вотъ и ихъ хата. Солнце уже зашло. Подвечерній вѣтеръ охлаждалъ лица. Ночь предвидѣлась холодная, небо было ясное, морозило, и все въ природѣ застывало.

Цвѣта остановилась передъ своей хатой, у голой стѣны. Она увидѣла, что двери хаты замкнуты и около хаты не видно ни живой души. Но она такъ мало была приготовлена къ какому-нибудь несчастью, такъ мало думала, ожидала его, что, несмотря на эту жуткую пустоту кругомъ, оставалась спокойна. Только немного погодя у нея словно что-то задрожало внутри. Горячая кровь кинулась ей въ голову, и вслѣдъ за тѣмъ она вся похолодѣла: она начинала догадываться, что ее ждетъ что-то страшное. Она подошла къ двери, разсмотрѣла замокъ. Убѣдилась, что онъ запертъ. Сомнѣнія не могло быть; въ хатѣ не было никого. Она не знала, что дѣлать: подождать ли или пойти къ сосѣдямъ? Растерянная, безпомощная, печальная, сѣла подъ стѣной. Она надѣялась, она ждала каждую минуту, что ея мужъ, еще больной, вернется откуда-нибудь, раньше чѣмъ совсѣмъ стемнѣетъ. Маленькій тихій уголокъ ихъ начиналъ оживать. Скотъ возвращался съ пашни, возвращались крестьяне съ работы. Пастухи, ребята перекликались; шли стадомъ овцы и козы; крупный скотъ расходился по дворамъ. Издалека, съ берега моря слышался рѣзкій свистокъ и зазываніе пассажировъ. Хотя вѣтеръ былъ слабый, но становилось холодно. Юный Марко пряталъ руки въ рукава, чтобы согрѣть ихъ, онъ томил-

ея и мучился отъ нетерпѣнія. Налетѣлъ рѣзкій, сильный порывъ вѣтра, зашелестѣли и полетѣли сухіе листья, какіе еще оставались и дрожали на оголенныхъ деревьяхъ, ожидая первой бури, которая ихъ сорветъ и разнесетъ. Цвѣту охватило отчаяніе. Она встала и пошла къ сосѣдямъ. Марко побѣжалъ за ней. Цвѣта подумала: пойду, узнаю у сосѣдей, гдѣ мой мужъ? Обѣ сосѣднія хаты жили дружно, и хозяева ихъ давно покумились. Хата Цвѣты выглядѣла бѣднѣе. Она вошла во дворъ сосѣда. Оглядѣлась: нигдѣ никого. Ворота въ конюшню и въ хлѣвъ заперты, дверь въ хату прикрыта. Сдѣлала шагъ впередъ и невольно остановилась. Ночь уже наступила. Мѣсяцъ взошелъ и своимъ блѣднымъ свѣтомъ освѣщалъ одну стѣну хаты и разросшуюся передъ нею крапиву. И въ лицо Цвѣтѣ упалъ откуда-то свѣтъ, какъ будто отъ свѣчки. Въ конюшнѣ зазвенѣлъ бубенчикъ на возжахъ. Въ хатѣ послышался голосъ, и имъ показалось, что тамъ о нихъ говорятъ.

— Войдемъ! —нетерпѣливо сказалъ Марко:— чего мы стоимъ на дворѣ? Войдемъ въ хату!

Вошли. Около ярко горѣвшаго огня собрались всѣ домашніе, между ними и два малыша Цвѣты. Кончали ужинать! Передъ ними стоялъ закоптѣлый котелъ. Работали всѣ около него, чтобы все покончить, что въ немъ было. Дѣти и не замѣчали свою мать; первой увидѣла ее сосѣдка Юрка.

— Цвѣта, сестричка моя, чего стоишь! Вѣдь заморилась! Садись къ намъ!—и она подошла къ Цвѣтѣ. Та поздоровалась со всей компаніей

и сразу бросилась къ своимъ дѣтямъ, обнимая то одного, то другого.

— А гдѣ же Петро?—наконецъ, съ тревогой спросила она и оглянула всѣхъ. Всѣ замолкли, никто не проронилъ ни слова. Ей стало страшно, какая-то тяжесть сдавила ей сердце. Вся дрожа, она схватила старшаго сына за голову и строго спросила его:

— Что сталось съ отцомъ?—Она со страхомъ глядѣла ему въ глаза.

— Умеръ онъ! — спокойно сказалъ ребенокъ, глядя въ огонь. А ей показалось, что всадили ей ножъ въ сердце, такую острую боль ощутила она. Она сдержалась и еще разъ обвела глазами всѣхъ присутствующихъ. Никто и глазомъ не повелъ. Эта тишина, это молчаніе убѣдили ее въ истинности ея несчастья. Она горько зарыдала.—Петро, защитникъ ты нашъ, на кого насъ покинулъ, родимый! — Она упала на полъ и билась руками, головою и грудью. Заплакалъ и юный Марко. Сосѣдка Юрка ничего не говорила, не находила словъ для утѣшенья. Вся поблѣднѣла и что-то жалостливо сквозь зубы шептала. Мужчины продолжали курить и шумѣть, какъ будто все происходившее на ихъ глазахъ ихъ не касалось, и не слышали они плача и воплей матери и сына. Наконецъ Юрка пришла въ себя, очень жалко ей стало Цвѣты. Принялась она утѣшать ее.

— Погибъ! одинъ къ Богу отправился! —съ отчаяніемъ говорила Цвѣта.

— Нѣтъ, Цвѣта! не одиноко онъ умиралъ! — утѣшала ее пріятельница и разсказывала:—Похо-

ронили мы его какъ слѣдуетъ, по-христіанскому и сельскому обычаю. Господь никого не оставляетъ, не оставитъ и тебя.

— Отъ чего онъ умеръ? — спросила Цвѣта.

— Ты сама его знаешь. Работалъ, какъ никто другой въ селѣ. Ну, не волъ же онъ, не смогъ, легъ съ руками на крестъ. Пошелъ онъ въ горы нарубить дровъ. Вернулся, началъ жаловаться, что болитъ у него все. На другое утро слегъ онъ да и больше уже съ постели не вставалъ,— разсказывала Юрка поспѣшно и при концѣ вздохнула.

— Говори еще!— просила ее Цвѣта.

— Разболѣлась у него рана на ногѣ... а былъ онъ и безъ того слабъ... Проболѣлъ всего дней семь... Сама за нимъ смотрѣла... Прости ему Богъ.

— Ну, а докторъ? Что же онъ не помогъ? — спрашивала Цвѣта, задыхаясь отъ слезъ.

— Посылала я и за докторомъ, да не застала его, куда-то отлучился.

Цвѣта плакала и, какъ бы захваченная какой-то одною мыслью, твердила не переставая:

— Пойдемте, дѣтки, домой.

— Куда ты ночью пойдешь? Господь съ тобой! Какое ты счастье утеряешь, если останешься у насъ поѣсть чего-нибудь. Вѣдь ты голодна?

— Останься, Цвѣта, у насъ до утра! — отозвался и мужъ Юрки.

— Спасибо. Не могу, у меня такое чувство, точно душа изъ меня выходитъ.

Обернулась къ дѣтямъ:

— Идемте!

Первая пошла къ дверямъ. За нею пошли сыновья.

— Возьми ключъ отъ хаты, если ужъ такъ хочешь итти!—сказала Юрка, подавая ей ключъ.— Еще разъ прошу тебя, останься, вѣдь жаль намъ тебя.

— Съ Богомъ! — попрощалась Цвѣта и, не обращая вниманія на просьбы сосѣдки, ушла съ дѣтьми.

Стояла ясная ночь. Мѣсяцъ свѣтилъ надъ хатой и надъ деревьями. Свѣтъ его расплывался надъ полями и надъ лѣсами. Темнѣли только провалы и долины. Кругомъ было тихо. Воздухъ былъ влаженъ, падала ночная роса, поила влагой землю и суровые камни; понемногу роса превращалась въ бѣлую изморозь, которая покрывала камни, подмерзала передъ разсвѣтомъ, но таяла и исчезала при первомъ сіяніи солнца.

Цвѣта ни на что не глядѣла, спѣшила отомкнуть хату. Раскрыла дверь и вышла. Передъ глазами ея выступила пустая, нежилая комната, и ужасъ охватилъ Цвѣту. Страшно ей стало. Мягкій бѣлесоватый свѣтъ мѣсяца наполнялъ всю хату, освѣщалъ постель у противоположной стѣны, освѣщалъ ее особенно ярко, точно задерживался на ней. Цвѣта побѣжала къ этому самому свѣтлому мѣсту; она охватила постель руками, бросилась на нее, какъ будто она еще видѣла на ней своего мужа и хотѣла обнять его. Дѣти тѣсно прижались къ ней. Они плакали и прятали головы въ платьѣ матери.

— Нѣтъ ужъ его! — зарыдала она снова. Затѣмъ встала и оглянулась.

Пустой, холодный очагъ; огонь такъ давно погасъ, что, казалось, его никогда здѣсь и не бывало. А была же полная хата дровъ.

— Горе мое! — воскликнула Цвѣта и снова разразилась рыданіями и стонами.

Понемногу она овладѣла собою. Дѣти перестали плакать. Прислушалась. Показалось ей, что они ждутъ своего хозяина, что вотъ онъ сейчасъ войдетъ. Невозможно чтобы его нигдѣ не было. Его темное лицо представилось ей, какъ живое. Вотъ онъ передъ ней; онъ смотритъ на нее, хочетъ заговорить, хочетъ нѣсколькими словами утѣшить, успокоить ласкою. Она посмотрѣла на кровать. На ней еще лежало мягкое сіяніе мѣсяца. Напрасно она всматривалась, кровать была пуста. Никого нигдѣ не было. Кровь стыла въ ея жилахъ, дыханіе останавливалось. Слезы высохли. Страшная усталость овладѣла ею. Въ полномъ изнеможеніи сидѣла Цвѣта у пустого холоднаго очага. Дѣти всѣ прижались къ ней. Такъ, измученные, изможенные, тѣсно прижавшись другъ къ другу, они ожидали поздняго зимняго разсвѣта.

Черезъ нѣсколько дней Цвѣта стала понемногу приходить въ себя. Сосѣди не оставляли ихъ, приносили сироткамъ кое-что, чтобы они не голодали; но эти приношенья съ каждымъ днемъ становились все рѣже и рѣже. Да и Цвѣта не хотѣла допустить, чтобы другіе заботились о ней, хоть и велика была ея бѣда. Она, конечно, не отказывалась отъ участія. Но довольно было уже того, что Юрка кормила во время ея отсутствія ея бѣдныхъ дѣтокъ да помогала и ей самой и

ея старшему сыну. Онъ однако былъ уже взрослый; можетъ итти въ люди, заработать кусокъ хлѣба. Она рѣшила, что пойдетъ съ Маркомъ въ городъ и найдетъ ему работу. Можетъ, и сама что-нибудь заработаетъ и хоть Рождество прилично съ дѣтками, своими сиротками, встрѣтитъ.

Однажды утромъ оставила она дѣтей у пріятельницы своей, Юрки, на Божью волю и ушла съ Маркомъ. Въ городѣ въ разныхъ мѣстахъ просила она работы. Одни просто гнали ее, другіе направляли ее то туда, то сюда, гдѣ только могла быть работа, но въ этихъ поискахъ и просьбахъ потеряли они не одинъ часъ.

— Такъ много людей, работы, роскоши, а сиротѣ нельзя честнымъ трудомъ ничего заработать,— думала она, усталая, изголодавшаяся, садясь на скамейку подъ голыми деревьями. Вынула хлѣбъ изъ мѣшка, чтобы немного подкрѣпиться. Отломила кусокъ и дала сыну. Люди проходили мимо, не обращая на нихъ вниманія, да и они ни на кого не заглядывались. Такъ сидѣли они нѣкоторое время, не зная, чѣмъ кончатся ихъ поиски. А зимній день коротокъ, не замѣтишь, какъ ему и конецъ. Цвѣта это знала, но не знала, что же ей дѣлать? Хотѣла бы вернуться домой; но зачѣмъ же она уходила? А что будетъ, если останется въ городѣ? Гдѣ найти ночлегъ? Отъ заботъ мутилось ея сознаніе; она доходила почти до галлюцинацій. Передъ ея глазами и въ мозгу смѣшивались представленія о смерти мужа и о приближающемся праздникѣ. Какъ она встрѣтитъ его съ дѣтками въ голой, пустой ха-

тѣ? Нечѣмъ и огня разложить, ни полѣно рождественское зажечь. Придется и этотъ большой праздникъ изъ милости провести у сосѣдей? Рада была бы все сдѣлать, чтобы этого стыда не пережить. Но какая польза отъ ея желанья, когда ни откуда нѣтъ имъ помощи.

— Не вернуться ли домой?—спросила она сына, чтобы что-нибудь сказать.

— Развѣ я знаю; какъ ты хочешь,— покорно отвѣчалъ Марко.

— Если бъ найти ночлегъ, остались бы до утра и поискали бы еще работы. Если не найдемъ, надо домой итти, чтобы зимняя ночь насъ не застала на дворѣ,—задумчиво говорила Цвѣта. Они встали и пошли. Но, несмотря на всѣ ихъ старанья, никто не бралъ ихъ на поденную.

— Зачѣмъ намъ работники передъ Рождествомъ?—кричали на нихъ. Они умолкали и шли дальше. Наконецъ Цвѣта убѣдилась, что не остается ничего другого, какъ итти назадъ, домой. При одной этой мысли ее охватывали злоба и тоска. Въ такомъ состояніи духа вышли они на улицу, всю залитую свѣтомъ. „Тутъ живутъ самые богатые господа,—подумала Цвѣта:—тѣ, что всегда сыты и пьяны. Холодъ имъ не страшенъ. Имѣютъ все въ изобиліи. Могли бы и мнѣ оказать помощь, если бы захотѣли".

Такъ она думала, разсматривая этихъ богачей, жившихъ беззаботно, ничего не работая. Она предложила сыну своему попросить какую-нибудь милостыньку у этихъ щеголей. „Для нихъ ничего не значитъ и цѣны не имѣютъ нѣсколь-

ко новацовъ, а мнѣ бы хватило проѣсть и отпраздновать все Рождество.

— Подай милостыньку, баринъ, — выступилъ сразу Марко передъ тремя молодыми людьми, которые весело между собою шутили и смѣялись. Но они такъ взглянули на мальчика и такъ равнодушно пошли прочь, какъ будто его слова совершенно къ нимъ не относились. Въ первый разъ Марко смутился неудачей, но сейчасъ же постарался пріободриться и подошелъ къ проходившему передъ нимъ откормленному господину.

— Дѣдушка, подай сиротинкѣ что-нибудь, ради Бога!—жалобно просилъ мальчикъ.

Господинъ остановился, мрачно посмотрѣлъ на него, принялъ еще болѣе важный видъ и плотнѣе запахнулся въ зимній плащъ.

— И тебѣ уже хочется милостыню просить? Такой малышъ и туда же, просить!

Господинъ намѣревался уже пройти мимо, но Цвѣта встала передъ нимъ.

— По нуждѣ, баринъ, по неволѣ, — дрожащимъ голосомъ говорилъ сынъ ея Марко, какъ бы выполняя тяжелую обязанность.

Господинъ остановился и повернулся къ нимъ.

— Такой мальчуганъ! Могъ бы уже работать, а онъ готовъ кошелекъ изъ кармана стащить. На, возьми! Но въ другой разъ ничего не получишь. Научись работать! — и онъ вложилъ Цвѣтѣ въ руку новацъ:—это вамъ обоимъ.

— Награди тебя Богъ,—благодарила его Цвѣта и быстро раскрыла руку, чтобы посмотрѣть, сколько онъ далъ.

Въ эту минуту откуда-то вдругъ появился полицейскій и остановился около нихъ.

— Не давайте, баринъ, ничего; оба молоды, пусть работаютъ!—запыхавшись торопливо говорилъ онъ.

— Пусти, болванъ... Сдѣлалъ доброе дѣло и каяться не буду,— съ достоинствомъ возразилъ господинъ, понемногу отходя.

— Ваша правда, баринъ, но попрошайничество запрещено. Господа обижаются, что имъ не даютъ покою попрошайки, и въ газетахъ пишутъ,—говорилъ полицейскій съ озабоченнымъ видомъ господину, который уже не слушалъ его.

Затѣмъ онъ повернулся къ Цвѣтѣ и строго показалъ ей рукою вдаль.

— Чтобы ты мнѣ сейчасъ изъ города вонъ убиралась. Другой разъ сейчасъ же тебя въ холодную упеку!..

Цвѣта и Марко въ испугѣ убѣжали.

— Эй, бѣги, кума, бѣги!—со смѣхомъ провожали ихъ насмѣшками люди, которые столпились вокругъ въ ожиданіи забавнаго происшествія.

Мать и сынъ молча принимали насмѣшки и торопились выйти изъ города. Они боялись, что полицейскій одумается и сегодня же заберетъ ихъ подъ арестъ. Только очутившись на дорогѣ, они передохнули. Цвѣта проговорила какъ бы сама съ собою.

— Неоткуда ждать помощи. Горе сиротамъ... Люди хуже звѣрей!

Торопливо пошли они дальше, чтобы до ночи вернуться въ село.

Но солнце зашло уже, и слѣдомъ за послѣднимъ лучомъ мягкаго свѣта, что только что обливалъ все кругомъ и согрѣвалъ все живое, спустились на землю тѣни ночи. Исчезъ на западѣ горячій румянецъ заката, все небо сразу поблѣднѣло и все потонуло въ сумракѣ, все нахмурилось. Спустилась на землю ночь. Дулъ съ моря холодный вѣтеръ; падала ночная роса, становилось влажно и холодно. Пока не взошелъ мѣсяцъ, стало совсѣмъ темно. Въ этомъ мракѣ всѣ предметы теряли свои формы и сливались въ воздухѣ, неясными, кривыми контурами. Темный просторъ казался безграничнымъ, разрастался во всѣ стороны. Горькія, горькія мысли подымались съ глубины души; сердце наполнялось тоскою. И Цвѣта пріуныла. Да какъ ей не горевать. Что ждетъ ее дома? Возвращается съ пустыми руками, еще болѣе несчастною, чѣмъ до посѣщенія города. Тогда она еще тѣшилась надеждой. Думала что-нибудь себѣ раздобыть, какъ добываютъ въ городѣ другіе бѣдняки. Глаза ея не могли налюбоваться на всю роскошь и богатство города. Каждый домъ изобилуетъ всякими благами Божьими. Куда ни ступишь ногою, глаза твои видятъ все, чего только душа твоя желаетъ. Но все это для другихъ, а ей отъ всего этого никакой пользы! Если бы ей хоть что-нибудь удѣлили изъ всего этого изобилья; но, нѣтъ, ей ничего не даютъ. Въ томъ-то и горе! Не позволяютъ даже тѣмъ, кто смиловался бы и подарилъ что-нибудь сиротѣ; это не

порядокъ! Все вооружилось противъ бѣдныхъ. Сытый голоднаго не разумѣетъ!

— Охъ!—вздохнула Цвѣта:—всѣ вѣдь мы вѣруемъ въ единаго Бога. За всѣхъ насъ Онъ муки терпѣлъ. Есть ли въ томъ правда, чтобы христіанская душа, не сдѣлавъ никому зла, мучилась и погибала; не могла нигдѣ кусочка хлѣба заработать, чтобы себя и своихъ дѣтей прокормить!

Такъ съ грустью думала она и замѣтила корчму при дорогѣ; изъ оконъ ложился на дорогу дрожащій свѣтъ. Мать и сынъ въ этомъ мѣстѣ сворачивали съ большой дороги на узкую проселочную.

— Зайдемъ на минутку въ корчму, — сказалъ Марко:—я такъ хочу ѣсть.

— Потерпи немного; мы бы тамъ слишкомъ много потратили,—возразила мать, и они повернули и молча дошли къ своему селу. Пройдя мимо своего дома, Цвѣта громко заплакала, но быстро овладѣла собою и рѣшительно вошла въ хату своей доброй сосѣдки. Вся семья и ея двое дѣтокъ сидѣли около огня. Хозяинъ Перо курилъ трубку и мѣшалъ огонь щипцами. Какъ только они вошли, Юрка встала и подошла къ Цвѣтѣ.

— Устала ты, моя сиротка бѣдная? Раздвиньтесь, господа, чтобы она сѣла съ нами отдохнуть и погрѣться. Садись и ты, Марко! — заботливо встрѣтила ихъ добрая Юрка. Всѣ раздвинулись, чтобы присѣли усталая мать и сынъ.

— Опять къ вамъ пришла; куда же мнѣ итти,

не могли мы работы найти!—задумчиво говорила Цвѣта.

— Да что ты, сестрица. Вѣдь говорила я тебѣ: не иди. Богъ обо всѣхъ насъ позаботится,—сказала Юрка и на минуту замолчала, потомъ, какъ бы вспомнивши:—Вѣрно проголодались?—и она пошла въ кухню и принесла оттуда печенаго картофеля и кусокъ лепешки и поставила передъ ними.

— Не идетъ мнѣ ѣда въ ротъ,—проговорила Цвѣта, едва прикасаясь къ пищѣ губами. Зато малой Марко со вкусомъ уплеталъ поставленное передъ нимъ.

— Мнѣ все кажется, что меня уже нѣтъ, что это не я хожу по землѣ,—задумчиво говорила Цвѣта.

— Да ну, брось это,—уговаривала ее Юрка.—Найдешь работу послѣ Рождества, сколько захочешь... До тѣхъ поръ потерпи.

— Терпѣть?—мрачно повторила Цвѣта и рѣзко возразила:—Нѣтъ у меня смиренія, чтобъ терпѣть! Испугаетесь моихъ словъ. Отовсюду мнѣ неудача. Потомъ, когда уже ничего не могла придумать, рѣшилась попросить чего-нибудь. Стыдно мнѣ было, конечно. „Работай!"—кричали мнѣ, какъ будто я до сихъ поръ всю жизнь не работала; какъ будто не на то я и родилась, чтобы работать. Дайте работу, буду работать! Ахъ, все напрасно! Будешь умирать отъ голода на ихъ глазахъ, никто тебѣ не поможетъ!..

— Не дадутъ и чашки воды, хоть погибай,—вставилъ и свое слово въ рѣчь Цвѣты самъ хозяинъ Перо и, подхвативъ щипцами горячій уголь,

поднесъ его къ трубкѣ. Потянулъ раза два и среди дыма продолжалъ:—Имъ есть до насъ дѣло! Драть съ насъ шкуру всѣ умѣютъ!

— Такъ, такъ!—согласились съ нимъ и другіе.

— Ну, что тамъ,—вмѣшалась Юрка:—бѣднякъ долженъ къ бѣдняку итти. Если мы другъ другу не будемъ помогать, кто намъ поможетъ?

Посидѣли еще немного, немного разсѣялась тоска; утѣшеніе смягчило сердце. Первымъ поднялся старѣйшій въ домѣ Перо, улегся на солому, укрылся теплымъ одѣяломъ и заснулъ. Другіе улеглись около огня, укрывшись зимними одѣялами. Огонь еще не потухъ, а нѣкоторые уже храпѣли. Только Цвѣта не могла заснуть. Пламя и блестящія искры, что летали надъ очагомъ, какъ будто притягивали къ себѣ ея взоры, не могла оторвать отъ нихъ глазъ. Тяжелыя мысли и заботы изнурили ее. Еще какой-нибудь день, другой и наступитъ Рождество! Какъ она его встрѣтитъ, не имѣя ничего въ своей хатѣ? Ни хлѣба, ни полѣна дровъ, ни свѣчки. Заплакала и неосторожно подтолкнула угли. Огонь разгорѣлся ярче, освѣтилъ ея голову, покрытую чернымъ платкомъ. Блѣдное, страдальческое лицо ея стало еще печальнѣе. Въ душѣ ея была какая-то пустота, безсиліе. Какъ ей не страдать, когда она вдова, въ траурѣ, и должна встрѣтить Рождество безъ него, своего мужа и защитника. Не можетъ она успокоиться, хотя всѣ кругомъ нея спокойно спятъ. Старается заснуть; жмуритъ глаза... И, несмотря на всѣ усилія, ясно слышитъ,

какъ въ хлѣву скотина жадно рветъ и жуетъ сѣно. Слышитъ, какъ вѣтеръ жалобно завываетъ вокругъ дома, между голыми деревьями. Сразу, порывомъ, налетитъ, навѣваетъ долгую мертвую зиму, отъ него у сироты даже сердце зябнетъ, душа и тѣло замираютъ.

Б. СТАНКОВИЧЪ.

Нушка.

Вотъ и вечеръ насталъ. Уляжетесь, закроетесь и спите себѣ. Но если ночью васъ разбудитъ сіяніе мѣсяца, если притомъ онъ свѣтитъ вамъ прямо въ лицо, проснетесь вы непремѣнно и сами не будете знать, дышите вы или нѣтъ. Все будете смотрѣть и смотрѣть на мѣсяцъ и думать: какія-то тамъ земли и моря? Лежите вы себѣ да привольно потягиваетесь и довѣрчиво смотрите на луну, какъ на свою мать.

Чуть лѣто настанетъ, въ домъ мы уже и не заглядываемъ, только и входишь, чтобы вынести да принести назадъ подушки и одѣяло да чтобы пищи себѣ прихватить; а то все время на дворѣ или въ саду. Знаете ли вы, какъ хорошо бываетъ вечеромъ: побрызгаешь дворъ, разстелешь по землѣ рогожу, подъ голову подложишь подушку, ляжешь и одѣяломъ закроешься. Лежишь себѣ тихо, а кругомъ пахнетъ влажной землей. Мѣсяцъ ярко свѣтитъ, чернѣетъ поросшая зеленымъ мохомъ, черепица на крышахъ домовъ. Такъ тихо, что и самому хочется затаить дыханіе. Если кашлянуть случится, то вамъ страшно

станетъ, что одинъ этотъ кашель нарушилъ тишину. Положите голову на подушку, вдыхаете запахъ свѣже-вымытыхъ простынъ, слушаете, какъ въ домѣ у очага сверчокъ трещитъ да листья въ саду шелестятъ; еще незаснувшія птицы перепархиваютъ по деревьямъ и въ кустахъ, да тамъ у колодца, вода капаетъ съ влажныхъ камней, а издалека, изъ цыганскаго квартала слышится звукъ зурны, тонкій звукъ дрожитъ и кажется такимъ далекимъ, далекимъ...

То было въ воскресенье, и меня насилу увели со свадьбы. Комшій Трайко женилъ своего первенца. Его хата рядомъ съ нашей. Мой отецъ и мать опять пошли туда вечеромъ, а меня привели назадъ, чтобы не скучала одна наша молоденькая гостья Нушка; ее только въ субботу вечеромъ привели къ намъ. Ей поручено было и хату прибрать и обѣдъ приготовить, пока отецъ и мать пируютъ на свадьбѣ сватами. Съ другой стороны, ей тоже интересно посмотрѣть изъ нашего сада черезъ стѣну на свадьбу, на танцы и хороводы, что тамъ водятъ цѣлыми днями. И Нушка жадно глядѣла на нихъ цѣлыми часами. Наскладывала всякихъ камней и колодъ, какіе находила въ саду подъ стѣною, чтобы можно было выше стоять, и глядѣла поверхъ стѣны на танцы во дворѣ сосѣда. Много тамъ людей толпилось. Пока я былъ на свадьбѣ, я тоже танцовалъ, я держался возлѣ самыхъ большихъ парней. Они охотно брали меня, не ради меня, а ради нея, ради гостьи нашей, Нушки; ея бѣлое круглое личико такъ и сіяло надъ стѣной, на фонѣ зеленыхъ листьевъ и вѣтокъ. Отъ все-

го ея тѣла выдѣлилась только ея высокая грудь, которою она прижималась къ стѣнѣ; ея пышная, высокая бѣлая грудь, на которой спокойно лежали бусы и дукаты... Она глядѣла поверхъ стѣны на танцы, но отдѣльно ни на комъ не останавливался ея взоръ, и это страшно сердило парней. Особенно раздраженъ былъ этимъ Младанъ, высокій, румяный парень изъ того же села, что и Нушка. Ради нея онъ и на свадьбу пришелъ и водилъ хороводы (коло) до изнеможенія, и „бакшишъ“ платилъ цыганамъ. Можетъ-быть, чтобы показать ей, какъ онъ ее любитъ, водя хороводы, онъ не подпускалъ къ себѣ ни одной дѣвушки, а всегда ставилъ около себя—меня; вѣдь я доводился Нушкѣ родственникомъ, я лицомъ похожъ былъ на нее. А Нушка на все это только усмѣхалась, взглянетъ на него и сейчасъ переведетъ глаза въ толпу... Ну зато меня только силой удалось, когда уже настала ночь, увести со свадьбы домой. Отецъ съ матерью вернулись обратно, затворили ворота и оставили меня и Нушку, приказавъ ложиться спать. Я почему-то сердитъ на Нушку. Со злостью раскусываю орѣхи и каштаны. Она полила дворъ, постелила постели и принесла въ мискѣ ужинъ. Мнѣ не очень-то хотѣлось ѣсть, если у нея есть охота, пусть ѣстъ. Передъ нами стоитъ миска, но ужинъ остается нетронутымъ. Мѣсяцъ блеститъ, какъ растопленное олово. Длинныя черныя тѣни ложатся во дворѣ все шире и шире. Со свадьбы до насъ доходитъ неясный желтый свѣтъ, изломанный и прерывистый, пробивающійся изъ-за вѣтокъ и листьевъ. Тамъ, на

свадьбѣ, ужинаютъ, доносится звяканье тарелюкъ, чашекъ, стакановъ, отдаленная игра на сопилкѣ. А кругомъ насъ тихо, и разливается кругомъ упоительный, теплый, чистый воздухъ...

— Поужинай, Нушка,—говорю я.—Она беретъ хлѣбъ, мнетъ его между пальцами, скатываетъ въ шарикъ. Потомъ вдругъ вскакиваетъ съ мѣста, въ одну минуту скидываетъ свою жилетку, разстегиваетъ сорочку, откидываетъ косу за плечи: „Жарко мнѣ!“ говоритъ и голосъ прерывается. Смотрю я на нее и диву даюсь: совсѣмъ не та стала. Зналъ я ее давно, когда бывало мать ее приводила къ намъ въ гости, тогда это былъ настоящій бѣсенокъ. Послѣ ужина всегда соберетъ вокругъ себя разныхъ дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ. Отецъ всегда уходилъ въ свою комнату и рано спать ложился. Мать одна съ ними оставалась, а онѣ запрутъ хорошенько ворота и затычку вложатъ, чтобы никто не открылъ, и начнутъ пѣть, скакать. Чего они только ни выдѣлывали! Переодѣнутся въ мужское платье, борются, валяются по травѣ въ саду, въ тѣни большихъ деревьевъ. А Нушка ими верховодитъ. Расплететъ свои черныя косы, развяжетъ ихъ, обниметъ которую-нибудь изъ подругъ и нарочно такую, что боится темноты и ночной сырости, да и тащитъ ее въ глубину сада, бѣгаетъ тамъ, а то станетъ и запоетъ лѣсню, какъ кумъ укралъ турчанку, съ нею въ горы на конѣ уѣхалъ, а турчанка его обнимаетъ, отъ всѣхъ своихъ отрекается и все шепчетъ ему: „Ахъ, сердце мое! ахъ, сердце мое!“

„Ахъ, сердце, сердце!“ И съ этимъ словомъ

Нушка вылетала изъ сада, оставивъ тамъ ту, которую туда затащила; вотъ она уже схватила тазъ и бьетъ въ него, какъ въ бубенъ, и вертится, и танцуетъ. Косы ея разсыпались, лицо горитъ, глаза блестятъ, а она все танцуетъ и поетъ.

— Что съ тобой? — спрашиваю я ее теперь. Но она и головы не поворачиваетъ ко мнѣ. Будто и взглянуть на меня не смѣетъ. Только застегнулась, спустила рукава рубашки и глядѣла какъ-то по-новому, мягче. Трепетный мѣсяцъ такъ и заливаетъ свѣтомъ нашъ дворъ, то мѣсто, гдѣ мы сидимъ, а дальше, кругомъ, все тонетъ въ тѣни отъ деревьевъ сада.

Въ это время на свадьбѣ какъ разъ заиграли свирѣльщики, заиграли громко, быстро, можетъ быть, на „здравицу“ старшему свату; послышались крики, возгласы.

— Охъ! — воскликнула Нушка поднялась и потянулась. Шумъ со свадьбы доносился все громче. Вдругъ Нушка схватила меня за руки и понеслась со мною въ садъ. Она подняла меня, выбрала самое темное мѣстечко и усадила меня на стѣнѣ. Я сталъ глядѣть на свадьбу, а она, обнявъ меня, стояла позади меня и, прячась за мною, выглядывала надъ стѣною и смотрѣла во дворъ, на свадьбу. Тамъ стояли столы, люди за ними сидѣли, между ними и старшій сватъ, и свекровь, и дружки — все званые гости, всѣ подогрѣтые виномъ сидѣли, развалившись, разстегнувъ свои „минтаны“, махали платками, кашляли, тяжело дышали. Имъ прислуживала сама молодая съ молодымъ. Вся картина была освѣще-

на всего однимъ фонаремъ, да и то полускрытымъ вѣтками вишни. Посреди двора былъ колодезь, около него блеститъ разлитая вода. Изъ дома то и дѣло выходили служанки, разносили кушанья. Подъ домомъ между мужчинами и женщинами расположились цыгане-музыканты. Всѣ сидѣли на сѣнѣ и играли на флейтахъ и на свирѣляхъ. Только старшему—Шабану— не оказалось мѣста. Всѣ другіе раньше его заняли мѣста поближе къ свѣту. Раздвинулись, онъ сѣлъ, скрестивъ ноги, и нагнулся. На головѣ у него бѣлая чалма, изъ-подъ которой выступаетъ егожелтое костистое лицо, а изъ-подъ бѣлой рубахи видна черная костистая грудь.Онъ играетъ, а его собака дергаетъ за платье. Эту собаку мы, дѣти, всегда дразнили, и она кидалась на насъ, чуть мы хотѣли подойти къ ея хозяину. Она прыгаетъ передъ нимъ, мотаетъ головой, заглядываетъ въ глаза своему хозяину, слушаетъ, какъ онъ играетъ, и передними лапами отбиваетъ тактъ. Всѣ играли разомъ; Шабанъ такъ и ведетъ ихъ своей флейтой, такъ и заливается, такъ и сѣчетъ; то совсѣмъ замираетъ, то высоко голоситъ; люди просто съ ума сходятъ, слушая его. И точно, хорошо играетъ.

Вотъ всталъ сватъ и еще нѣсколько гостей. Держатся еще рукой за столъ, но уже видно, что хотятъ танцовать, только жаль имъ, какъ будто, прерывать пѣсню; они стоятъ и отбиваютъ рукою тактъ и подхваливаютъ музыкантовъ: „Ахъ! ахъ! ахъ! Такъ, такъ! О-о-о!“

Сватъ не въ силахъ больше выдержать и кричитъ Шабану:

— Ну, Шабанъ, знаешь, ту, во всѣ тяжкія...

Цыгане какъ заиграютъ!.. Женщины чуть услыхали, выбѣжали изъ дома, сначала будто только, чтобы послушать, но черезъ нѣсколько минутъ уже не могли больше сдерживаться и, схватившись за руки, пустились танцовать. Начался бѣшеный всеобщій танецъ. Кто плясалъ въ парахъ, кто выводилъ „марамицу“ и „пешкоре“. Слегка нагнувшись, дѣвушки и парни, внимательно вслушиваясь, чтобы не ошибиться, медленно, тяжело ступая, начали свой величественный танецъ.

— А, милая, душу отдамъ, только иди ко мнѣ!— послышался около меня тихій, дрожащій отъ ожиданія голосъ. Я оглянулся; передо мной стояло смуглое горячее лицо Младана, въ надвинутой на лобъ фескѣ. Нушка позади меня еще больше спряталась, вся сжалась и начала прижимать меня руками къ себѣ, какъ бы моимъ тѣломъ защищаясь отъ парня. А онъ поднимался на цыпочки, чтобы изъ-за меня лучше видѣть ее. Но ничто не помогало. Онъ только видѣлъ на моихъ колѣнахъ ея бѣлыя, полныя руки, которыя меня держали; видѣлъ, какъ она наклонялась и пряталась за моей спиной. Младанъ вынулъ кошелекъ съ серебряными монетами и кинулъ мнѣ динарій.

— На, возьми, купи себѣ...—и, бросая мнѣ на колѣни деньги, онъ положилъ свою руку на ея руки и подержалъ ее на нихъ.

— Не смѣй брать, не бери! — послышался позади меня испуганный шопотъ Нушки.

Я оглянулся и увидѣлъ, что она уже почти на землю присѣла. Ноги ея такъ дрожали, что она

еле держалась. Я чувствовалъ, какъ она вырывала свои руки изъ его и хваталась за мое платье. Онъ не выпускалъ ее. А свирѣльщики попрежнему играли, хороводъ все разрастался и началъ уже подходить почти подъ нашу стѣну. Младанъ сразу снялъ свою руку съ ея рукъ, отступилъ отъ нашей стѣны и отошелъ. Нушка была свободна.

— Уйдемъ!

Она сняла меня со стѣны, еще сильнѣе прижала къ своей груди и пошла, прячась подъ стѣной, въ тѣни. Я оперся на нее; она вся была горячая, жаромъ отъ нея такъ и пышетъ; даже мнѣ отъ нея становилось жарко. Когда я обнялъ ея шею рукой, пальцы мои коснулись ея мягкихъ горячихъ губъ. Грудь ея была такая твердая и теплая, у меня ноги горѣли отъ теплоты ея тѣла. Мнѣ чувствовалось, что подъ моимъ локтемъ, на груди ея растаялъ бы снѣжный комъ.

— Не слушай ты его, онъ дуракъ, дуракъ онъ! — будто сама съ собой, не обращаясь ко мнѣ, сердито говорила она, съ трудомъ переставляя ноги. А я видѣлъ, какъ онъ стоялъ, опершись руками о стѣну, и такъ глядѣлъ ей вслѣдъ, что, казалось, вотъ-вотъ онъ перескочитъ стѣну и догонитъ насъ. Она не смѣла оглянуться, но чувствовала, что онъ тамъ, и только крѣпче прижимала меня къ груди и шла, безсильная, спотыкаясь о малѣйшій камешекъ. Самая нѣжная вѣточка задерживала ее; ее мучила и пугала влажная, потемнѣвшая ночь. Съ трудомъ нашла она калитку изъ сада. Когда мы вошли во дворъ, она опустилась на постель, точно избавилась отъ чего-то. Потерла лобъ рукою, за-

плела распустившуюся косу и какъ будто немного освѣжилась... Подошла къ колодцу, вытянула воды, начала умываться, плескаться... Наконецъ вытерлась, совсѣмъ освѣжилась. Глаза блестѣли, лицо еще горѣло, и къ вискамъ прилипли тонкія пряди мокрыхъ волосъ...

А со свадьбы все слышался топотъ танцевъ. Раздавались выстрѣлы. Доносились пѣсни, то тихія, длинныя, монотонныя, то болѣе живыя, веселыя... А свирѣли заливались, прямо за сердце хватали... Вдругъ ясно выдѣлилась пѣсня: „Іоване, Іоване, первое ожиданье!“

Нушка вскочила. Не могла больше удерживаться. Она схватила тазъ и пустилась танцовать. Не забыть мнѣ никогда этого танца; это было что-то совершенно необыкновенное. Она знала, что никто не могъ ее видѣть, и танцовала, скакала, вертѣлась и извивалась, какъ безумная, изступленная. Вся растрепалась, жилетка разстегнулась, рубашка раскрылась, и въ разрѣзѣ грудь блестѣла, какъ бѣлый мраморъ, черные влажные волосы спустились, распустились. Все ей хотѣлось прыгать и извиваться змѣей... Глаза ея расширились, потемнѣли, стали чудно-сіяющими.

А со свадьбы такъ же доносились къ намъ музыка, пѣніе. Мѣсяцъ плылъ по небу, разливая всюду свой свѣтъ... И та, первая пѣсня, снова летѣла къ намъ черезъ весь садъ. „Ой, тоска, напрасно ты меня ожидаешь!“ Нушка вдругъ остановилась и откинулась назадъ. Коса ея доходила почти до земли, рукава отвернулись выше локтей... она упала на постель. Съ мѣднымъ,

блестящимъ тазомъ въ рукѣ, вся залитая мѣсячнымъ сіяніемъ, она сама запѣла: „Іоване, Іоване, первое ожиданье!“

Въ эту пѣсню она вложила всю свою душу; она впала въ какое-то восторженное настроеніе. Ея раскрытыя уста какъ бы пѣли гимнъ и мѣсяцу, и красавицѣ ночи, и свадьбѣ, и всему, что она переживала... Она вся трепетала, откинула одѣяло, упала на постель, обхватила меня руками, привлекла къ себѣ, прижимая мою голову къ своей груди: „Спи, спи!“ уговаривала она и успокаивала меня, а сама вся дрожала. Вѣрно волновало ее все, что кругомъ насъ происходило...

А чудная ночь вокругъ насъ сіяла и благоухала, такъ чудно благоухала!..

П. КОЧИЧЪ.

Яблань.

Давно уже спустилась ночь. На пожнѣ, подъ самымъ селомъ, лежалъ Луйо, весь укрытый одѣяломъ. Только и виднѣлось его курносое лицо съ большими, круглыми, какъ горохъ, глазами и пряди жесткихъ волосъ на лбу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него пасся Яблань. Каждый вечеръ, съ тѣхъ поръ, какъ наступила жара, Луйо пасъ своего Яблана ночью. Онъ берегъ его, какъ зеницу ока. Два раза въ недѣлю давалъ ему соли, дѣлилъ съ нимъ свой обѣдъ. Любилъ онъ Яблана, потому что Яблань самый сильный, крѣпкій быкъ на всю округу. Луйо гордился имъ. Къ другимъ пастухамъ и къ ихъ быкамъ онъ относился пренебрежительно. Съ Яблановъ онъ не побоялся бы провести ночь на кладбищѣ.

Вотъ уже и утро! Повернулся Луйо еще какъ будто во снѣ, но глаза его уже блестѣли отъ пробужденія, онъ скинулъ съ себя одѣяло, всталъ, подошелъ къ быку и сталъ его гладить, ласкать и шепталъ:

— Хорошо ли ты, Ябо, нарычался. Реви, Ябо,

сколько у тебя духу хватитъ. Уже утро, дорогой мой, милый Ябо, уже утро.

Въ искреннемъ голосѣ Луйо дрожало мягкое, нѣжное чувство. Быкъ по привычкѣ махнулъ хвостомъ и чуть не хватилъ мальчика по лицу.

— Меня! За что же, Ябо? — съ упрекомъ сказалъ Луйо.—Теперь я буду плакать.

Мальчикъ немного отвернулся въ сторону, какъ будто заплакалъ. Яблань поднялъ голову.

— Нѣтъ, нѣтъ, Ябо. Я шучу. Ты меня не ударилъ... Э, да нельзя же, мой дорогой, сразу за все сердиться. Дай, лучше поцѣлуемся!

Поцѣловалъ быка. Закутался въ одѣяло и снова опустился на влажную землю и задумался о завтрашнемъ днѣ. Завтра его Яблань долженъ биться съ царскимъ быкомъ. Луйо давно пламенно объ этомъ мечталъ: чтобы Яблань пободался съ Родономъ. Князь пообѣщалъ исполнить его желанье, объ этомъ просили князя и старые люди.

— Ну, не такъ это легко устроить, люди мои: нуженъ царскій приказъ. Да ничего, я пошлю прошеніе: прикажетъ его величество, чтобы они пободались, хорошо, такъ и будетъ, я не противъ того. Ну, а не прикажетъ — ничего и не будетъ. Такъ ли, братья мои?

— Такъ, княже. Только все дѣлай по порядку и не бойся!

Прошеніе послано, и отвѣтъ полученъ: разрѣшаютъ Завтра праздникъ Преображенья и къ тому же царскій день. Завтра около дома князя будутъ осматривать Яблана и Родона. Объ этомъ-то и задумался Луйо. Сразу представилось ему,

какъ Ябланъ падаетъ, издыхаетъ, прободенный; затѣмъ, наоборотъ: Луйо живо представилъ себѣ, какъ Ябланъ побѣдитъ Родона и гордо будетъ стоять на площади. Слышалось ему, какъ громко онъ рычитъ, а эхо ему отвѣчаетъ. Луйо затягиваетъ пѣсню.

— Ябо, не холодно тебѣ? — говоритъ Луйо изъ-подъ одѣяла.

Ябланъ молчитъ, пасется и ничего не отвѣчаетъ. Луйо всталъ, поласкалъ его, вырвалъ изъ стога два снопа жита и разложилъ ихъ передъ быкомъ, точно приглашая лечь около него. Наконецъ, послѣ долгаго сонливаго и тревожнаго переворачиванья съ боку на бокъ Луйо заснулъ. Ябланъ поѣлъ все жито и улегся около своего друга. Жуткая, невозмутимая тишина. Влажная, сырая ночь. Мягкій вѣтеръ дуетъ около домовъ, расположившихся полукругомъ подъ горой. Крыши поросли мохомъ, и при неясномъ свѣтѣ мѣсяца онѣ едва отличаются отъ зеленыхъ деревьевъ, изъ-за которыхъ онѣ выступаютъ. Лишь кое-гдѣ бѣлѣетъ новая крыша. Мирно, сладко спитъ село подъ большой, мрачной неприступной горой, которая хранитъ и ограждаетъ его какъ мать...

Солнце медленно всходило изъ-за горныхъ вершинъ, еще устало почивавшихъ въ прозрачномъ утреннемъ сумракѣ. Но вотъ еще одно мгновеніе, и все залито бѣлымъ яркимъ свѣтомъ. Все дрожитъ и переливается. Только тамъ вдали еще трепещетъ туманъ и синѣютъ скалы. Все сразу пришло въ движеніе, пробудилось, все закипѣло, какъ горячая кровь, задышало силою, свѣжестью.

— О, уже разсвѣло!—потянулся Луйо, протеръ

глаза и оглянулся кругомъ.—Ябо, братикъ, чего же ты меня не разбудилъ?

А Яблань уже давно всталъ, поднялся очень рано и хорошо наѣлся. Луйо пріятно было видѣть, какъ у Яблана набрякло пузо.

— Ну, если ты, братъ, уже такъ наработался, надо тебѣ закусить.

И Луйо еще разъ вытащилъ нѣсколько сноповъ и положилъ ихъ передъ Яблановъ. Когда быкъ съѣлъ все, Луйо отправился къ дому князя. Вороны пролетѣли изъ ближайшаго лѣса и спустились на кукурузу, которая какъ разъ стала наливаться зерномъ.

Гнали скотъ на лугъ. Мычанье, крикъ со всѣхъ сторонъ. Луйо задумчиво шелъ за Яблановъ. Углубился въ свои мысли, не слышитъ ни того шума, ни той жизни, что кругомъ него. Онъ думаетъ о Яблани и о побоищѣ. Быстро качнулъ головою, точно о чемъ-то догадался. Взялъ палку, растянулъ пальцы, сталъ мѣрять палку:

— Побѣдитъ Яблань—нѣтъ; побѣдитъ—нѣтъ, побѣдитъ—нѣтъ, побѣдитъ!—вскрикнулъ Луйо, и глаза его загорѣлись радостью.

Отъ наплыва нѣжности онъ сталъ гладить и ласкать быка:

— Правда, Ябо, ты его забодаешь? Хоть онъ и царскій быкъ? Все равно, ты, мой милый, родной, дорогой Ябо? Правда? Ну, скажи же своему Луйо!

Быкъ началъ спокойно къ нему ласкаться. Въ такихъ разговорахъ съ Яблановъ Луйо подошелъ къ дому князя, гдѣ уже собралось довольно много народа. Люди сошлись не для того,

чтобы побесѣдовать между собою; они пришли ради зрѣлища, чтобы посмотрѣть, какъ быки будутъ бодаться.

У Луйо сжалось сердце, когда онъ увидалъ Родона. Показался онъ ему страшнымъ, злымъ, больше и толще Яблана.

— Ябо, родной мой! Если сложишь свою голову, не сердись на меня! — со вздохомъ прошепталъ Луйо, и, спрятавшись за быкомъ, чтобы люди не видѣли, онъ снова смѣрилъ палку. Опять вышло, что побѣдить долженъ Яблань. Лицо мальчика просіяло.

— Что, малышъ, боишься?

— Ты, сыночекъ, не бойся. Твой быкъ—старый боецъ, ты еще раздразни его ударомъ репейника колючаго.

— Я вовсе не боюсь, ничего не боюсь!—взволнованно отвѣчалъ Луйо.

— Клянусь тебѣ, малышъ: не успѣешь ты и ахнуть, какъ Родонъ распоретъ брюхо твоему Яблану!— запугивалъ его полевой стражникъ.— Родонъ уже многихъ прикончилъ.

— Ну, мы это еще увидимъ, господинъ стражникъ! — презрительно и насмѣшливо отвѣчалъ Луйо.

— Ну, довольно праздныхъ разговоровъ. Жены и дѣти, отойдите въ сторону!—строго крикнулъ князь.—Зрѣлище начинается. Отведите быковъ на поляну за заборомъ!

Повели быковъ. Кругомъ, со всѣхъ сторонъ тѣсно стояли люди. Быки начали обнюхивать одинъ другого, знакомиться.

— Маршъ, Яблань!

— Маршъ, Родонъ!

Быки заревѣли, начали копать землю передними копытами, они раздражались, наступали другъ на друга и, наконецъ, ударились рогами. Послышался трескъ, ломъ! Земля крошилась и гнулась подъ ними. Луйо дрожалъ; онъ страдалъ. Всѣ жилы напряглись. Онъ раскрылъ большіе, круглые глаза, не двигался. Радовался каждому удару, который наносилъ Яблань врагу, и болѣлъ за каждый ударъ, который Яблань получалъ. Онъ весь сжался, перегнулся, словно хотѣлъ помочь Яблану, но вѣдь помочь онъ не могъ. Глаза его затуманились. Только видитъ, что передъ нимъ что-то вертится, наклоняется, выгибается. Родонъ напрягаетъ всю силу.

— Побѣди его, Ябло! — кричитъ Луйо внѣ себя.

Яблань, старый, лукавый боецъ, будто упалъ на колѣно правой ноги, и хватилъ Родона подъ шею.

— Помогите, люди, не дайте быку пропасть!— испуганно закричалъ князь.

Изъ шеи Родона потокомъ лилась кровь. Луйо глубоко вздохнулъ и, гордо выпрямившись, громко крикнулъ, и вершины горъ такъ же громко крикнули ему въ отвѣтъ.

И. ПРОШИЧЪ.

Пригревица и ея интеллигенція.

На востокѣ уже давно поднялось радостное утреннее солнце. Направило свои сіяющіе взоры на росистые листья и переливалось по нимъ свѣтлымъ бисеромъ. А чуть утренній вѣтерокъ подуетъ, листья стряхнутся, и нѣсколько капелекъ спадутъ съ нихъ, какъ слезы. Тамъ, въ кустахъ, зачирикали птицы, задрожали вѣтки и благоуханьемъ повѣяло въ лицо.

Надъ покрившейся трубою слегка вьется дымъ; заскрипѣлъ журавль надъ чьимъ-то колодцемъ, изъ-подъ окна вылетѣла ласточка, а свѣжій утренній воздухъ обмывалъ сонные глаза и освѣжаетъ еще горячій лобъ.

Посреди села возвышается небольшая сельская церковка. Слабый звонъ тихо разносится въ воздухѣ, а церковные часы, какъ будто какіе-то всегда бодрствующіе глаза, внимательно смотрятъ за всѣмъ селомъ: крестится ли баба Скавія, когда колоколъ звонитъ къ обѣднѣ, скидаютъ ли всѣ шапку, когда зазвонятъ къ „достойно“.

Поодаль отъ церкви, на другомъ холмѣ, помѣ-

стилась маленькая школа и своими мутными окнами дремотно смотритъ на восходъ солнца.

Часовая стрѣлка слегка подвинулась. Вѣтерокъ подулъ и качнулъ школьный колокольчикъ, а старый учитель, мрачно сдвинувъ брови, отчаянно чихнулъ.

— На здоровье!—пожелалъ ему попъ Дамьянъ съ церковнаго крыльца, и пѣтухъ закричалъ съ сосѣдней навозной кучи.

— Благодарю! — отвѣчалъ учитель. — Желаю вамъ добраго утра.

То былъ Еремій Васильевичъ, наставникъ дѣтей села Пригревицы и дѣйствительный членъ епархіальной скупщины.

Но гдѣ взять тѣ краски, чтобы нарисовать это сморщенное лицо, эти ветхозавѣтныя очки и эти маленькіе зеленые глазки, которые такъ воспитанно внимательны? Кто опредѣлитъ цвѣтъ его полинялаго длиннаго халата съ засаленнымъ воротникомъ, съ карманомъ назади, изъ котораго какъ-то печально выглядываетъ уголокъ голубого носового платка? Гдѣ тѣ краски, какими нарисовать хотя бы съ приблизительной вѣрностью портянки, такія старыя и замазанныя, что невозможно было опредѣлить ихъ цвѣтъ? И развѣ только у самого статскаго совѣтника, стараго казначея Іосима Антоновича нашлась бы такая же табакерка, какою обладаетъ Еремій Васильевичъ.

— Какъ спалось?

— Спасибо,—отвѣчаетъ попъ Дамьянъ,—хорошо спалось!

— А какъ дѣло съ зубомъ?

— Спасибо за вниманіе,—отвѣчалъ попъ Дамьянъ все тѣмъ же голосомъ,—и зубъ не болитъ уже... Знаете, бѣлый лукъ да немного соли... И вотъ совсѣмъ мнѣ полегчало.

— Не желаете ли?—предлагаетъ учитель, граціозно подставляя свою табакерку попу Дамьяну и слегка наклоняясь.

И при этомъ оба одновременно запустили пальцы, взяли немножко табачку, съ особымъ удовольствіемъ поднесли его къ носу и громко чихнули.

— Хорошій табакъ,—сказалъ попъ Дамьянъ,—стягивая снова лицо и приготовляясь чихнуть.

— Прекрасный табакъ,—подтвердилъ учитель, морщась и сдвигая брови.

— Чихъ!—чихаетъ попъ Дамьянъ.

— Абчихъ!—чихаетъ учитель.

— На здоровье!—говоритъ попъ учителю.

— На здоровье,—говоритъ попу учитель.

Послѣ этого оба садятся на церковную скамью; попъ держитъ въ пальцахъ остатокъ табака, точно зажатую блоху, а учитель лакомо подавливаетъ пальцемъ свою щепотку табаку, зажмуриваетъ одинъ глазъ, а другимъ лукаво подмигиваетъ.

Въ это время заскрипѣли ворота у управляющаго почтой, ахъ, какъ эти ворота умѣли жалобно скрипѣть! Изъ нихъ показался сперва одинъ большой чубукъ. Затѣмъ показалась одна рука, державшая трубку. Понемногу начала показываться сѣдоватая борода и совершенно необыкновенныя очки, и, наконецъ, во всей своей обширности и цѣльности вся фигура господина Анастасія Ма-

ринковича, обывателя и почтмейстера села Пригревицы.

Еще издали и чубукъ и вся особа почтмейстера отвѣсили низкій поклонъ и съ достоинствомъ двинулись по дорогѣ.

Прошлое господина почтмейстера теряется въ глубинѣ давнихъ лѣтъ. Достовѣрно только то, что про господина почтмейстера никто ничего вѣрнаго не зналъ. Теперь онъ былъ почтмейстеръ. И при всякомъ малѣйшемъ торжествѣ на его широкой груди, покрытой довольно узкимъ сюртукомъ, выступалъ заботливо вычищенный орденъ—настоящій орденъ!

Одно только было плохо. Онъ умѣлъ страшно, немилосердно лгать. Но что правда, то правда. Онъ никогда не лгалъ изъ какихъ-нибудь грѣховныхъ побужденій. Нельзя сказать, чтобы и лгалъ онъ сильно, нѣтъ, бывало, что лгалъ онъ не сильно.

И попъ Дамьянъ и Іеремія Васильевичъ, сидя, поклонились почтмейстеру, и оба хотѣли сказать, но Іеремія Васильевичъ первый произнесъ:

— Доброе утро!

За нимъ попъ Дамьянъ:

— Добраго утра желаю вамъ!

Прежде всего повели рѣчь о невыносимой жарѣ. Потомъ, кому-то пришла въ голову мысль о томъ, что было бы лучше и здоровѣе, если бы Пригревица стояла на берегу какой-нибудь рѣки, или если бы какая-нибудь рѣка протекала подъ Пригревицею. Почтмейстеръ при этомъ насунулъ шляпу на лобъ, зажмурилъ глаза и зѣвнулъ. А въ Пригревицѣ знали, что это означало, — что

почтмейстеръсобирается соврать. И дѣйствительно. И смотрѣвшій искоса попъ Дамьянъ, и простодушный господинъ учитель, да и всѣ воробьи подъ крышами въ Пригревицѣ,— всѣ знали, что почтмейстеръ никогда не бывалъ въ Италіи, и однако всѣ вѣрили ему. Привыкли такъ, что вѣрили ему. А когда они въ заброшенной въ глуши Пригревицѣ, на церковномъ крылечкѣ уже доѣхали до Рима, такъ и самъ Маринковичъ, „много разъ въ немъ бывавшій", не смогъ бы того пересказать, чего онъ тутъ наговорилъ. Сдвинувъ брови, пускалъ онъ дымъ, кольцо за кольцомъ, а вмѣстѣ съ дымомъ ложь за ложью.

— Какъ же мнѣ не знать церковь св. Петра? Я же около пяти недѣль провелъ въ Римѣ, жилъ какъ въ кипяткѣ, ей Богу. Стоитъ эта церковь, этакъ...

Всѣ смотрѣли на него искоса и подозрительно покашливали, а господинъ учитель вѣжливо удивлялся и приговаривалъ:

— Ахъ, Боже мой! Какія же тамъ лампады, должно быть, висятъ?

— Лампады? Лампады, господинъ мой! — подхватывалъ Маринковичъ такимъ голосомъ, точно стрѣлялъ изъ пистолета. Лампады тамъ, ну, какъ бы вамъ это сказать... постойте! Лампада тамъ, напримѣръ, прошу васъ, подумайте только, — каждая, какъ большая бочка.

— А сколько же тамъ деревяннаго масла?

— Деревяннаго масла? Ну, тамъ его цѣлое озеро, положительно говорю, озеро!!!

— Ахъ,—воскликнулъ попъ Дамьянъ:—неужели вы все это изволили видѣть?

— А какъ же, собственными глазами видѣлъ, отецъ, сами знаете, что это значитъ: собственными глазами!

— Ну, а какъ же ихъ зажигаютъ, скажите, прошу васъ.

— Очень просто, совсѣмъ просто: на лодкѣ съ веслами подъѣдутъ, зажгутъ и назадъ уѣдутъ.

У о. Дамьяна потъ капалъ со лба, учитель отъ табаку и солнца чихалъ.

— На здоровье,—говоритъ о. Дамьянъ.

— Видите, правда!—подтверждаетъ почтмейстеръ, самъ увѣрившись въ своей сказкѣ. Можетъ, послѣ вы и скажете, что господинъ Маринковичъ все вралъ, но разъ у него хорошее имѣніе, то вамъ кажется, что это только ошибка. Чего у него только нѣтъ? Все, что въ голову придетъ, все у него есть. И когда лѣтомъ поспѣетъ у него, напримѣръ, молодой бѣлый лукъ, да со свѣжимъ сыромъ, тогда и его преподобіе, и господинъ учитель, и вся остальная пригревицкая интеллигенція, эхъ!.. Не стрѣлять же въ него оплеухами, если человѣкъ вамъ говоритъ, что онъ это собственными глазами все видѣлъ. Вамъ гораздо интереснѣе жареная кукуруза, чѣмъ самъ господинъ Маринковичъ.

Вотъ какія дѣла происходятъ въ Пригревицѣ утромъ.

Послѣ обѣда господинъ нотаріусъ чуть вынулъ ложку изо рта, какъ запалилъ свою цыгару (осталось ихъ у него еще нѣсколько отъ прошлыхъ выборовъ) и предоставилъ ногамъ волю.

Ничего не думая, ноги направляются къ сельскимъ хатамъ. Передъ сельскими хатами лежитъ тѣнь. Тамъ уже ждетъ нотаріуса писарь съ нафабренными усами. Учтиво снимаетъ шляпу и, чуть раскрывая губы, говоритъ пріятнымъ теноркомъ: „Здравія вамъ желаемъ!“ Нотаріусъ, ревниво оберегая свое достоинство, очень вѣжливо отвѣчаетъ легкимъ баскомъ: „На здоровье, господинъ Зечевичъ!“

На башнѣ пробило половину второго. И каждый разъ, когда на часахъ башни било половину второго, грекъ Іова показывался изъ-за кустовъ чернаго самбука (бузины). Грекъ Іова такой человѣкъ, который продаетъ катранъ, трубки, и онъ же берется за посредничество между разными обществами и отдѣленіями, которыя есть и которыхъ нѣтъ въ Пригревицѣ. Онъ всегда толкуетъ о самой высокой политикѣ. Онъ не высоко ставитъ Бисмарка, но говоритъ о немъ: „это не пустой швабецъ“. французы, по его мнѣнію, легкомысленны, не могутъ кому-нибудь и нравиться. Зато русскіе—ну, это вещь иная! Настоящіе казаки и къ водкѣ не имѣютъ большой склонности во время войны, зато въ праздное время большіе до нея охотники.

У него изъ каждаго кармана торчитъ по газетѣ. Хотѣлъ основать даже читальню. И чуть не основалъ! Да денегъ не хватило.

Грекъ Іова все же читаетъ всѣ газеты. Когда случится что-нибудь очень важное, напримѣръ, когда турки осадятъ Пригревицу, онъ, конечно, первый благовременно заявитъ о томъ начальству. Начальникъ сообщитъ нотаріусу и другимъ

важнымъ особамъ. А они уже черезъ сельскаго барабанщика и госпожу Персе освѣдомятъ всю Пригревицу.

Онъ, какъ всегда, дошелъ до сельскихъ хатъ, остановился и поклонился. Нотаріусъ и писарь поздоровались съ нимъ. И здѣсь, передъ сельскими хатами, немедленно устраивается читальня. Самъ грекъ Іова—ходячій газетный ящикъ этой читальни. И всѣ запускаютъ руки въ этотъ ящикъ, или, говоря яснѣе, въ карманы грека Іовы. Такъ и теперь случилось. Чуть человѣкъ остановился и отвѣсилъ поклонъ, почтмейстеръ уже бѣжитъ, запыхавшись.

— Здравствуй, грекъ,— и уже рука въ одномъ изъ кармановъ.

— Немножко вздремнули? — разспрашиваетъ нотаріусъ, и рука его уже въ другомъ карманѣ.

— Извините,—приступаетъ, наконецъ, и Зечевичъ и хочетъ уже засунуть руку въ верхній карманъ, который у шутника представлялъ особое отдѣленіе.

Тутъ сразу зашуршали газетные листы, запахло всякими „органами политическими, полезными и образовательными“. Господа замолчали; только и слышно было время отъ времени, какъ они, точно колдуны какіе, приговариваютъ: „такъ, такъ!“ или: „о! не имѣешь права!“

Зечевичъ поднималъ лѣвую бровь и понемногу успокаивался. Почтмейстеръ углубился въ отдѣлъ „открытыхъ писемъ“ и „ложныхъ телеграммъ“. Всякій въ свой излюбленный отдѣлъ. Нотаріусъ—въ корреспонденціи и объявленія. А

трекъ Іова въ нѣкоторыя передовыя статьи; при этомъ онъ сдвигалъ брови и сжималъ губы, давая тѣмъ внѣшнее выраженіе своимъ уравновѣшеннымъ сужденіямъ и полнѣйшей самоувѣренности.

Мало-по-малу и разговоръ начался. И слава Богу! Тутъ можно было услышать самыя разнообразныя комбинаціи и всевозможныя предположенія. А въ концѣ концовъ дошли до самыхъ крайнихъ увѣреній,—каждый самъ про себя,—что все это совершенно одинаково,—слушать ли, какъ почтмейстеръ разсказываетъ о своихъ лампочкахъ, или читать газеты и ихъ передовыя статьи. Все одно и то же!

А вотъ и дѣдъ-Пера! Онъ воплощалъ въ себѣ отдѣлъ: „Вѣсти мѣстныя и областныя“. Подошелъ съ пріятной улыбочкой и съ каждымъ поздоровался особо; кому сказалъ: „добрый день!“ кому: „добраго здоровьечка желаю!“ кому: „вашъ нижайшій слуга!“ каждому, какъ приличнѣе было.

Дѣдъ-Пера—это общее сокровище. Онъ дѣдушка всей Пригревицы. Онъ опекунъ всѣхъ сиротъ и не сиротъ. Онъ въ дѣйствительности ничей дѣдъ и въ то же время общій дѣдъ. Поэтому онъ все знаетъ. Знаетъ, когда Ецко Турпина бываетъ именинникъ; знаетъ, какое было жаркое у старой Недички въ прошломъ году на праздникъ; знаетъ, сколько пуговицъ на черномъ сюртукѣ почтмейстера. Онъ все знаетъ. Поэтому онъ былъ интереснѣе всѣхъ малозначительныхъ газетъ. Даже газета „Припослана“ и всѣ передовыя статьи утратили свой номинальный инте-

ресъ, а акціи дѣда-Пера поднялись очень высоко и такъ и назывались: „Мѣстныя и областныя извѣстія".

— Откуда къ намъ жалуете, дѣдушка Пера?

— Да вотъ,—отвѣчаетъ дѣдъ Петроній,—иду отъ господина помѣщика.

— А,— продолжаетъ разспрашивать нотаріусъ:—отъ господина помѣщика, ну, какъ же его здоровье?

— Лучше ему, благодарю за вниманіе, гораздо лучше.

— Это все,—вмѣшался почтмейстеръ сердито,— все это чортовы глупости; я сто разъ говорилъ: не годится пиво для сербина. Это ужъ моя вина.

Нотаріусъ кивнулъ головой въ знакъ согласія и Зечевичъ также кивнулъ головой. Всѣ кивками головы выражали свое полное согласіе.

Вдругъ что-то загудѣло. Словно кто-то, сидя въ бочкѣ, заговорилъ.

— Не знаете, братъ Пера, потянетъ ли завтра рыба?

Это изъ окна послышался хриплый голосъ сельскаго начальника. Онъ тихонько ушелъ въ свою канцелярію, прохрипѣлъ тамъ свои обычныя любимыя имъ пѣсни и теперь, выставивши свою плѣшивую голову, слушалъ различныя мнѣнія своихъ согражданъ.

И точно электрическій токъ прошелъ сквозь все настроеніе пригоревицкой интеллигенціи. Всѣмъ захотѣлось хоть что-нибудь сказать.

— А, смотрите, вы уже тутъ?

— А мы и не знали!

— Потянетъ, потянетъ,—отвѣчалъ дѣдъ-Пера, деликатно сморкая носъ въ голубой платокъ:— рыба потянетъ!

И у всѣхъ при такомъ пріятномъ извѣстіи изъ живой мѣстной газеты слюни на губахъ показались. Нотаріусу ясно представлялось уже, какъ кипитъ вкусная уха и рыбья голова изъ нея показывается. Зечевичъ отъ удовольствія высморкался и сплюнулъ въ сторону. Дѣдъ-Пера завтра наловитъ карповъ и лещей— любимыхъ рыбъ всѣхъ пригоревичанъ; отнесетъ ихъ госпожѣ начальницѣ, а она, конечно, задержитъ его на обѣдъ, а господинъ начальникъ пригласитъ и всѣхъ остальныхъ друзей.

— Сколько же вы наловите, сколько намъ взять?

— Да какъ и прежде,—отвѣчалъ всѣмъ дѣдъ-Пера.

Послѣ этого разговоръ перешелъ на покойнаго отца Аврама, который былъ такимъ ужаснымъ любителемъ рыбы; на то, что почтмейстеръ на рыбной ловлѣ однажды скушалъ три котелка ухи, а четвертый треснулъ и никому ничего не осталось. Еще до сихъ поръ ему иногда отрыгалась эта уха. Въ концѣ концовъ всѣ усмѣхались, думая, какъ они завтра будутъ пальчики облизывать послѣ рыбы, и смаковать сладкое вино.

Передъ вечеромъ обыкновенно сходились въ бесѣдкѣ у почтмейстера. Хорошая была бесѣдка, вся плотно обвитая хмелемъ. Сверху висѣла лампа и освѣщала всю бесѣдку; почтмейстеръ раскуривалъ длинную трубку—употреб-

лялъ ее только на свѣжемъ воздухѣ—и начиналъ тасовать карты. Въ этомъ ему помогали и другіе.

— Перетасуете?—обращался почтмейстеръ къ кому-либо изъ гостей.

— Перетасую!

— А гдѣ же нашъ Маковскій?

Господина начальника фамилія была Маковскій.

— Подождите, подождите, сейчасъ онъ къ намъ пожалуетъ!

Выпили по маленькой бѣлаго вина, чокнулись, по-старчески крякнули и съ уничтожающимъ взглядомъ, искоса, хозяинъ произнесъ:

— Ахъ! недостаетъ достойнаго господина баша!

Но въ эту минуту заскрипѣли ворота.

— А, господинъ Маковскій! Нижайшее вамъ, нижайшее!

И началась игра въ преферансъ. Начальникъ такъ замахивался картою и стучалъ ею, что у него рука заболѣла. Почтмейстеръ выжидалъ и протяжно отзывался:

— Пускай, пускай горячится!

Остальные посмѣивались и время отъ времени какъ-то съ радостью приговаривали:

— Дѣдъ возьметъ верхъ, дѣдъ!

У каждаго было свое любимое словечко. Всегда его говорилъ и всегда всѣ ему смѣялись.

Позднѣе пришелъ и нотаріусъ. Онъ налилъ себѣ кружку вина, хлопнулъ почтмейстера по ладони и осушилъ кружку.

На полѣ веселилась пригоревицкая молодежь.

Госпожа учительница съ госпожою Даринкою гуляли невдалекѣ, напѣвали пѣсню, которая начиналась словами; „Половину сердца, половину“... а заканчивалась: „Всю кровь мою!“

Зачевичъ снялъ шляпу, закинулъ голову, яснымъ взоромъ обвелъ всю честную братію и предложилъ затянуть: „Златну Славину“.

Старая попадья сидѣла передъ домомъ и поджидала Недичку. Сидѣла и молчала, понюхивая табакъ изъ табакерки. Хотѣлось ей о многомъ поговорить. Когда будетъ,—въ какой день,—Преображенье? Перемѣнится ли погода? Гдѣ жена начальника купила новыя занавѣси? И какъ учитель любитъ грибы на салѣ!

По небу разсыпались сіяющія звѣзды. Повѣяло пріятною прохладою надъ Пригревицею. Время отъ времени барабанщикъ игралъ на барабанѣ, проходя по улицамъ.

— Покойной ночи!

— Покойной ночи!—слышалось въ разныхъ мѣстахъ.

Всѣ и все мирно засыпали. Только надоѣдливые комары звенѣли надъ головою почтмейстера.

— Опять!—восклицалъ онъ и билъ себя ладонью по лбу.

А начальникъ поворачивался въ своей постели и со вздохомъ говорилъ:

— Лишь бы западный вѣтеръ не задулъ!

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Предйсловіе. 5

Проклятіе кума. Я. Веселиновича. 7

Первый разъ съ отцомъ у заутрени. Л. Лазаревича. 37

Въ поискахъ заработка. И. Чипико. 63

Нушка. Б. Станковича 106

Яблань. П. Кочича. 116

Пригревица и ея интеллигенція. И. Прошича. 122

BINDING LIST OCT 1 1950

LSer .C
S4823
.R

503648

Сербскій сборникъ, повѣсти и разсказы.

«Translit: Serbsky sbornik ... з

DATE.

NAME OF BORROWER.

University of Toronto Library

DO NOT REMOVE THE CARD FROM THIS POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED